

A woman with short blonde hair, wearing a black leather military-style uniform with gold buttons and a peaked cap with a gold eagle emblem, stands in front of a white classic car. She holds two silver pistols, one in each hand. The background is a dark, war-torn scene with smoke, fire, and several military aircraft flying in the sky. At the top, the word "попаданец" is written in a stylized font, flanked by two golden mechanical-looking brackets.

попаданец

Макс Мах

КОМАНДИР
БРАТЕ

Попаданец (АСТ)

Макс Мах

Командир Браге

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Max M.

Командир Браге / М. Мах — «АСТ», 2017 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-103991-2

Она может совершить в одиночку многокилометровый марш через африканские джунгли. И влюбиться в ученого-географа, влюбив его попутно в саму себя, тоже может. Лиза Браге способна на многое. Может, если надо, высадить десант на вражеской территории в первый день «маленькой победоносной войны». Может вести крейсер через зону ПВО под кинжальным огнем вражеских батарей. И принять бой с эскадрой противника тоже может. Может умереть с честью, не посрамив флага и мундира, и может выжить всем смертям назло. Она капитан 1-го ранга кавалер ордена Полярной звезды баронесса фон дер Браге, командир Флота республики Себерия, и этим все сказано.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-103991-2

© Мах М., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Предыстория истории	5
Пролог	6
Часть I	24
Глава 1	24
Глава 2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Макс Мах

Командир Браге

Предыстория истории

Вселенная бесконечна, и в этой беспредельности возможны практически любые из невозможных миров. В одном из них, в мире пара и летающих кораблей, живет авиатор Елизавета фон дер Браге. Наша история началась с ее гибели в воздушном бою с польским крейсером-тримараном (роман «Авиатор»). Но смерть отважного пилота неожиданно обернулась новой жизнью и для нее, и для девушки из иного мира – мира, где СССР недавно отпраздновал 90-ю годовщину Великой Октябрьской революции. Так случилось, что во время научного эксперимента сознание инженера-электрика Елизаветы Берг не только проникло в некое «параллельное пространство», но и оказалось в теле авиатора Елизаветы Браге. В результате списанная по состоянию здоровья из Флота республики Себерия капитан 2-го ранга Браге, которая на самом деле уже совсем другая женщина, принимает командование «Звездой Севера» – бригом искателей сокровищ, летающим под флагом Техасской республики. На дворе начало тридцатых годов, а приключения брига и его шеф-пилота разворачиваются в республике Себерия и ее столице Шлиссельбурге, в Немецких государствах и Венецианской республике, над Средиземным морем и в горах Атласа, над Сахарой и в джунглях африканского королевства Яруба.

Целью приключений были поиски сокровищ древнего африканского царства Яруба. Однако желающих найти так называемое сокровище Кано оказалось больше двух. И экипаж брига «Звезда Севера» вступил в смертельно опасную борьбу за сокровища и тайны народа яруба с английским лордом Эдвардом Диспенсером и его клевретом капитаном ван Россомом, профессором Нольфом из города Брюгге и его дочерью Мари, а также с полковником Штоберлем из Гейдельберга.

Пролог

26 декабря 1931 года

Рождество в Германских государствах отмечают весело и сытно, но главное – пьяно. Тем более в университетском городе, таком, к примеру, как Гейдельберг. Бурши гуляли всю ночь, но под утро утомонились и они. Разбрелись по домам или упали там, где уронило их выпитое в рождественскую ночь вино.

Под утро мороз немного усилился, и пошел снег. Мягкие белые хлопья, цепляясь друг за друга и постепенно подрастая, ложились на красные черепичные крыши, голые ветви деревьев, на серо-коричневый узор мостовых. Стояла удивительная тишина. Улицы пустынные, двери трактиров и лавок заперты. Казалось, город вымер. Лишь в некоторых домах из труб поднимался навстречу тихо падающему снегу сизый дым от разожженных спозаранку печей.

Но кое-кто спать еще и не ложился. Небольшой элегантный локомотив – спортивный «Кокорев», расцветки «себерская зима» – мчался этим утром – двадцать шестого декабря 1931 года – по Тиргартенштрассе через кампус университета. Справа сквозь облетевшие кроны деревьев открывался вид на реку, слева мелькали факультетские здания. Не снижая скорости, «Кокорев» свернул на узкую подъездную дорогу, огибавшую парк, промчался арктическим вихрем через Верштег – мост, проходящий по плотине – и, наконец, влетел в узости Гнейзенауштрассе и Манхеймерштрассе, чтобы, в конце концов, остановиться у дома номер семь по улице Штейнзейтвег.

Чуть скрипнув, откинулась вверх дверь со стороны водителя – белый лак и серебристая «изморозь» – и на булыжник мостовой, цокнув стальными подковами тяжелых черных берцов, выбрался высокий человек, весь – с ног до головы – затянутый в черную кожу. Пожалуй, это была женщина, но ее наряд был настолько необычен для чопорно-консервативной Германии, что сторонний наблюдатель – если бы таковой имел место быть – наверняка усомнился бы в своем первом впечатлении. Однако это была именно женщина. Она неспешно поднялась на крыльцо, отомкнула замок двери собственным ключом и уверенно шагнула в темноту пустого дома.

Небольшой коридор, лестница наверх, гостиная с камином, кухня, кладовка, дверь на задний двор. Все замки целы – и на дверях, и на окнах, – и на всем печать забвения. На полу и мебели толстый слой пыли, на лампах, карнизах и в углах потолка – паутина. Одним словом, запустение. Жилье это было оставлено хозяином давно – месяцы, если не годы назад, – и с тех пор никто не потревожил его покой.

Подсвечивая себе фонариком, женщина осмотрелась внизу и поднялась на второй этаж. Здесь располагались спальня и кабинет, причем кабинет по площади был значительно больше. Просторный письменный стол, затянутый зеленым сукном, кожаное кресло, застекленные книжные шкафы, картотечные ящики и несгораемый шкаф в человеческий рост. Над камином женский портрет. Мягкий свет снежного утра освещал его достаточно, чтобы рассмотреть характерное удлиненное лицо с высокими скулами, прямым носом и большим ртом. Светлые брови над серыми глазами, коротко стриженные светло-русые волосы. Не красавица, но мужское внимание к себе наверняка привлечет.

Вошедшая в комнату женщина остановилась перед портретом и довольно долго его рассматривала, потом вздохнула и, отвернувшись, направилась к сейфу.

– Одну минуту!

Женщина явственно вздрогнула, мужской голос, произнесший эти два слова, возник, казалось, ниоткуда. Но затянутая в черную кожу посетительница на этот счет не усомнилась. Она вздрогнула – это правда, но во всем остальном ее реакция оказалась мгновенной и без-

упречной. Незнакомка стремительно развернулась на голос, а уж револьвер в ее руке возник, похоже, сам собой.

– Ради бога, баронесса! Я не вооружен и не опасен. Во всяком случае, сейчас.

Мужчина сидел в кресле в дальнем углу, где до времени его скрывала плотная тень. К тому же сидел он неподвижно, не производя даже самого слабого звука, что было необычно, учитывая его комплекцию. Сейчас, когда глаза женщины попривыкли к освещению, она рассмотрела грузную фигуру в задвинутом в угол кресле. Мужчина был, по-видимому, высок и, мягко говоря, плотно сложен.

– Вы меня напугали, полковник.

– Извините, баронесса! Видит бог, я не хотел вас пугать. Я просто хотел поговорить с вами тет-а-тет.

– Как вы сюда попали?

– Впечатляет, не так ли? – хмыкнул мужчина. – Следов нет ни внизу, ни на лестнице.

– Рассказывайте, не томите! – усмехнулась женщина, но револьвер не опустила.

– Тут есть еще одна дверь, – спокойно объяснил мужчина, – и черная лестница со двора.

Может быть, все-таки уберете оружие?

– Зачем вы здесь? – женщина опустила руку, но возвращать револьвер в кобуру не стала.

– Я об этом уже вам сказал, – напомнил мужчина. – Я всего лишь хочу поговорить.

– Говорите!

– Судя по тому, что список частот и ключи находились у вас, Тюрдеев встречи с вами не пережил, – это был не вопрос. Простое утверждение, и ничего больше.

– Заявите в полицию? – равнодушно поинтересовалась женщина, убившая своего несостоявшегося любовника в честной борьбе.

– Нет, баронесса, я здесь не для того, чтобы вас шантажировать! Да, хоть скальп с него снимайте, мне-то что?

– А он, между прочим, считал вас другом.

– Не считал, – возразил мужчина. – Не заблуждайтесь на его счет, баронесса. Доктор был тем еще сукиным сыном! Вас он любил, это бесспорно. Но любил ли он когда-нибудь кого-нибудь еще? Сомневаюсь!

– Ладно, полковник, уговорили! – женщина обошла письменный стол, села в жесткое рабочее кресло, больше похожее на тяжелый стул, аккуратно – назад – стянула с головы кожаный шлем с коротким козырьком и наушниками, достала портсигар. Кинула короткий взгляд на собеседника, щелкнула крышкой, взяла папиросу, неторопливо закурила.

Все это время мужчина молча переждал возникшую паузу. Кажется, он даже не шевельнулся ни разу.

– Говорите! – предложила женщина, выдохнув дым первой затяжки.

Сейчас, когда она сидела лицом к свету, стало очевидно, что это та же самая женщина, которую изобразил художник на полотне, висящем над камином. Только теперь она, пожалуй, стала чуть старше, да еще вот волосы отрасли.

– Я не трогал архив доктора, хотя и мог.

– Почему?

– Он мне не нужен. Не скажу, что неинтересен. Любопытно, разумеется, но определенно не настолько, чтобы вступать с вами в конфликт. Так что нет, не нужен. И потом, я ведь вам обязан, если помните.

– Так что же вам нужно, полковник?

– Мне нужно ваше доверие, – чуть шевельнулся мужчина.

– Выходит, это жест доброй воли? – спросила женщина, не выпуская папиросу изо рта.

– Один из.

– Вот как? Есть и другой?

- Баронесса, вы хотите найти капитана ван Россома?
- Он не числится в списках офицеров армии герцогства Фландрия, – с явным сожалением в голосе сообщила женщина.
- Не удивлен, – кивнул мужчина. – Так хотите?
- Хочу! – после короткой паузы согласилась женщина.
- Считайте, вы его получили. Встретимся сегодня у меня дома. Вы ведь знаете, где я живу?
- Знаю.
- Ну, вот и прекрасно! Приглашаю вас на обед. В пять часов, вас устроит?
- Вполне.
- Отлично! Тогда не смею вам более докучать. Работайте! – полковник встал. Он действительно был таким, каким казался, сидя в кресле. Крупный мужчина, едва ли не гигант.
- Обратите внимание на левую тумбу стола, – сказал он, открывая неприметную дверь в стене, облицованной деревянными панелями. – И на нижние полки вот этого шкафа! – кивнул он на единственный не застекленный шкаф. – Там тоже есть на что посмотреть!

11 января 1932 года

До дома добралась только накануне вечером. Усталая, злая, с затекшей спиной и мигренью «на всю голову». Собственный локомотив, разумеется, замечательная вещь, но если ехать на нем через всю Европу, получается долго и утомительно. Тем не менее Лиза о покупке не жалела. Оно того стоило.

«Звезда Севера» встала в доки Роттердама восьмого октября, а девятого в салоне «Нордия – Кабриолет» Лиза увидела – обомлела от восторга – и тут же купила «Кокорев» последней модели. Длинный, поджарый и быстрый, покрытый белым лаком и расписанный по всем поверхностям тонким серебряным узором. Назывался отчего-то «Северное сияние», но понравился Лизе не поэтому. Он был приемистый, легкий в управлении и устойчивый на высоких скоростях. Не штурмовик, но чем-то на него неуловимо похож, хотя максимальная скорость – каких-то жалких сто километров в час.

Итак, девятого она купила локомотив, десятого отправила в Себерию «малой скоростью» свой ненормально разросшийся багаж, а одиннадцатого после отъезда, затянувшейся до утра, списалась на берег, уйдя в отпуск на время ремонта «Звезды Севера». Следующие три месяца Лиза колесила по Европе. Дел было много, времени мало, да и концы неблизкие: Нидерланды и Фландрия, Париж и Рим, Венецианская республика и Объединенное королевство Англии и Шотландии. Ездила, говорила с людьми, встречалась со знакомыми и знакомыми знакомых, работала в архивах и библиотеках и снова мчалась по отличным европейским дорогам. Жила в отелях, ела в трактирах, временами выпивала, но палку не перегибала, и, невзирая на погоду, плавала везде, где получится: в озерах и реках, в море и океане. Если не получалось, бегала. И тоже в любую погоду: хоть в дождь, хоть в снегопад.

Из Северной Италии через Каринтию и Тироль поехала в Баварию, Швабию, королевство Вюртемберг и уже оттуда в Пруссию, в Берлин и Кенигсберг. В Кенигсберге погрузилась на паром до Стокгольма, и уже оттуда – снова своим ходом – домой.

В Шлиссельбург приехала затемно и, поручив управляющему, Федору Емельяновичу, разбираться с ее сумками и чемоданами, забившими под «завязку» весь багажник «Кокорева», отправилась в ресторацию Шергина. Если бы не головная боль, съела бы, кажется, все, что «есть в печи», но по состоянию здоровья ограничилась тарелкой красной ухи, парой слоеных пирожков с осетриной, кружкой карельского взвара и пирожком с яблоками и брусникой. Еще выпила водки под уху, немного, но достаточно. До апартаментов на двенадцатом этаже дома Корзухина добралась осоловелая, едва переставляя ноги и только что не засыпая на ходу. Бросила взгляд на расставленные в прихожей коробки и тюки, чемоданы и баулы – здесь склады-

ровали и пришедший малой скоростью багаж, – прошла в спальню, из последних сил сдернула с кровати шелковое покрывало, залезла не раздеваясь под одеяло и заснула как убитая.

Проснулась от телефонного звонка. Зуммер у аппарата в спальне имел на редкость противный «голос», а заменить просто руки никак не доходили. Лиза полежала, послушала. Телефон не умолкал, и, смирившись с неизбежным, она сняла трубку.

– Браге у телефона! – зло бросила в микрофон.

– А уж я как рада! – ответили с другой стороны провода.

– Ты меня разбудила! – объяснилась Лиза, аккуратно сдавая назад. – Как ты узнала, что я вернулась?

– И тебе здравствуй! – хохотнула Надежда.

– Здравствуй! – поздоровалась Лиза. – Как поживаешь?

– Твоими молитвами, Лизонька! А сдал тебя дворник, я ему *рунь* посулила за своевременную информацию.

– Вот же люди! – вздохнула Лиза. – Но я действительно рада. Соскучилась вусмерть!

– Так и мы с Клавой! К тебе можно, или как?

– В смысле ко мне – ко мне?

– Да, Лизонька, к тебе – к тебе!

– Когда?

– Минут через пять?

– Что, серьезно? – не поверила своим ушам Лиза.

– Конечно, серьезно! – засмеялась Надежда. – Мы, как узнали, сразу подхватились и на извозчика. Теперь вот сидим в кофейне Пургина, пьем... Что мы пьем, Клава? Серьезно? Говорит, пьем шампанское.

– По утрам шампанское пьют только аристократы и дегенераты! – вспомнила Лиза цитату из старого советского фильма.

– Все правильно, Лизок! – Надежда, как и следовало ожидать, обижаться не собиралась. – Ты у нас аристократка, а мы с Клавой – две дегенератки, а на дворе декаданс!

– Вы что, с вечера не просыхаете? – догадалась Лиза.

– Точно! – подтвердила Надежда. – С позавчерашнего. У нас загул!

– Загул – загул или?..

– Загул, милая! По полной программе! Клава спела Далилу в Великокняжеском, меломанов валерианой отпаивали, а у Густафсона случился нервный припадок. Клава у нас теперь лучшее меццо-сопрано Европы, не фунт изюма!

– Тогда ладно! – смирилась с неизбежным Лиза. – Только учтите, у меня дома хоть шаром покати!

– И не забудьте про папиросы! – добавила вдогон.

– Сейчас придем!

Пришли через четверть часа, великодушно позволив Лизе хотя бы наскоро принять душ. Впрочем, Лиза не особенно и торопилась. У Надежды, по-всякому, были ключи от ее квартиры. Так повелось с давних пор – задолго до славного боя под Опочкой, – и после «воскрешения» Лиза решила ничего в этом вопросе не менять. Подруги! Подруги и есть! Кто бы еще следил за твоим домом, пока тебя бог вест где черти носят? А так ни пылинки нигде, окна прозрачные, и запаха затхлости нет, не говоря уже о том, что постельное белье свежее, и махровый халат пахнет лавандой.

Вышла из ванной комнаты, завернувшись как раз в этот свой любимый халат, а дамы уже тут как тут: накрывают на скорую руку стол, и, судя по всему, завтрак предполагается плотным и пьяным, а купались подруги отнюдь не у Пургина. Вернее, и у Пургина тоже, потому что знаменитые пургинские эклеры и торт «Наполеон» имели место быть наряду с везиготским хамоном, картофельным салатом по-штирски и фламандским жирным сыром. Впрочем, не

только. В тот момент, когда Лиза вошла на кухню, Клава как раз включила плиту, вспыхнул голубым пламенем газ, и на огонь встала сковорода с баварскими белыми колбасками и тушеной капустой.

– А пиво? – спросила Лиза, разом почувствовавшая лютый голод.

– А как же ж! – И Надежда с гордостью выставила на стол высокие, темного стекла бутылки с «Кемским двойным» и штоф «Новгородской княжеской».

– Девки, уьемся ведь! – вполне искренно всплеснула руками Лиза, которая давно уже не позволяла себе «гулять вволю».

– Не робей! – отмахнулась от нее Надежда. – Одна живем! А мы тебя, почитай, с мая месяца не видели. Только в газетах про твои художества читали!

Она покачала головой, рассматривая Лизу хитрым взглядом, и тут же бросилась обнимать ее и целовать, а вскоре к ним присоединилась еще и Клавдия, бросившая по такому случаю сковороду с сосисками на произвол судьбы. Наобнимались вволю. Перецеловались. Да так страстно, с такой неподдельной искренностью, что чуть снова не ввели Лизу в грех, но она устояла, чем и осталась невероятно горда.

Отсмеялись, Клава вернулась к плите, а Надежда взялась разливать.

– Ну, что, Лизонька, первый тост за тебя! – подняла она граненую рюмку. – За авиатора Браге!

– Ну, ты и скажешь! – смутилась Лиза, но водку все-таки выпила.

– Закусывай! – кивнула Надежда на стол. – Огурчики сей год у Лукодьялова особенно удались, да и капуста хрустит, что снег под лаптем!

– А что ты о газетах давеча сказала? – Лизу дважды упрашивать не пришлось, сама все увидела и по достоинству оценила. Прихватила пальцами огурчик в пупырышках, бросила в рот и заработала челюстями, по ходу дела подтягивая к себе готскую ветчину и душистый белый хлеб.

– Так ты что, не знаешь? – удивилась обернувшаяся от плиты Клава.

– О чем? – Лиза все еще не поняла, о чем идет речь, и, соответственно, аппетита не потеряла.

– «Себерский курьер» с ноября месяца публикует переводы из чикагской «Трибьюн»... – Надежда смотрела на Лизу и явно ожидала от нее какой-то реакции.

– Ну? – кинула реплику Лиза, одновременно пережевывая квашеную капусту, хамон и хлеб. – И что?

– Серия очерков об экспедиции в Ярубу...

– В Ярубу?! – вот тут до Лизы и дошел смысл происходящего. – Чьи очерки?

– Не знаю, – пожала плечами Надежда и, усмехнувшись, принялась разливать по второй. – Какой-то тип по фамилии «Питсбургер». Псевдоним, вероятно.

– Питсбургер, говоришь? – Лиза знала одну дамочку из Питсбурга, которая могла так называться, и подозревала, что это именно у Рейчел Вайнштейн прорезался вдруг литературный дар.

– Газеты ты, конечно, не сохранила. Или да?

– Сохранила, – улыбнулась Надежда. – Но сегодня я их тебе не дам, завтра насладишься! А пока скажи только: ты что, действительно, льва завалила?

– Думаешь, слабо? – прищурилась Лиза, «опрокинув» не глядя вторую рюмку.

– Значит, да? – обернулась к ним Клавдия.

– Минуту! – Лиза опрометью выскочила в прихожую, нашла тяжелый брезентовый кофр или, скорее, тук с номером «5» на боку и не без усилия отволокла его в гостиную.

– Все сюда!

Она споро срезала пломбы, развязала шнур, удерживающий края укладки, – тук раскрылся, распадаясь в обе стороны, и глазам «почтеннейшей публики» предстала великолепно

выделанная шкура огромного льва, причем голова зверя с оскаленной пастью и черная грива шли в комплекте.

– Ох ты ж! – всплеснула руками Клава.

– Ну, и зверюга! – поддержала Надежда. – Где положишь?

– Думала, в спальню, но у меня уже есть прикроватный коврик из леопарда.

– Про леопарда мы тоже читали, и про гепарда, и про кабанов... – улыбнулась Надежда.

– Ну, вот я и говорю, прикроватный коврик у меня есть.

– Ну и что! – возразила Надежда, с восхищением рассматривавшая шкуру. – Брось перед камином. На нем и покувыркаться при случае можно...

– Покувыркаться, если приспичит, можно и в гостиной, – не согласилась с подругой Лиза. – Но мы это еще успеем обсудить, а пока – раздача слонов!

– Кого-кого? – не поняла Клава.

Этой идиомы здесь никто не знал потому, наверное, что Ильф и Петров в этом мире занимались чем-нибудь другим.

– Подарки дарить буду!

– А! – кивнула Клава и шевельнула носом. – Сосиски горят!

Прервались на сосиски, но под них накатили еще по паре рюмок. Хлебная шла легко и просто, как и должна идти хорошая холодная водка под отличную закуску. Однако Лиза про подарки не забыла!

– Где что находится, убей бог, не припомню! – заявила она, потроша чемоданы и баулы. – Найду, наверное, постепенно... Но кое-что...

С этими словами она достала из чемодана две одинаковые шкатулки, искусно вырезанные из темно-красного африканского тика.

– Вуаля!

– Прелесть какая! – всплеснула руками Клавдия.

– Да, – согласилась Лиза, – неплохая работа. Я их в Хартбарте купила на обратном пути. Но главное все-таки не форма, а содержание. Вы бы, девки, открыли их, что ли!

Надежда и Клавдия переглянулись, почти синхронно перевели взгляды на Лизу, улыбнулись «многообещающе» и, наконец, открыли шкатулки. Каждая свою. Да и реакция, как выяснилось, у них была похожая. Обе поначалу даже слова вымолвить не смогли. Что называется, онемели от изумления. Только стояли, держа открытые шкатулки перед собой, таращили глаза и «бурно дышали».

«От восхищения в зобу дыханье сперло!»

– Ох ты ж! – сказала, раздышавшись, Надежда.

– Да уж! – выдохнула Клавдия.

Они были правы, обе две. В шкатулках лежали серебряные ожерелья или мониста – бог весть, как их следовало называть, – созданные мастерами яруба лет триста-четыреста назад. Точной датировки никто пока сделать не смог, но про триста лет говорили с определенной уверенностью. Они были разными эти ожерелья, но в то же время похожими: собранные из колец, украшенных тонкой резьбой, со множеством подвесок в виде искусно отлитых фигурок животных, рыб и птиц на серебряных цепочках разной длины. И все это великолепие было инкрустировано не огранёнными алмазами, сапфирами и гранатами.

– Умереть не встать! – Надежда достала свое ожерелье и теперь рассматривала его на свет. – Откуда это? Вы же вроде не нашли сокровища Кано?!

– Не нашли! – Лиза изобразила интонацией горькое разочарование, продемонстрировать которое вполне научилась за последние три месяца. – Но зато нашли «храм Ноху».

Лиза так ничего никому о своем открытии и не рассказала. Не из жадности или коварства, а потому что не совсем ясно представляла себе значение этих сокровищ, их назначение, цель, которую преследовали яруба, скрывая эти богатства в сердце пустыни. Свою роль во всей этой

мистической драме Лиза не понимала вообще. Вот поэтому ничего о сокровищах Кано никому не рассказала. А «храм Ноху» она нашла случайно. Ну, почти случайно, поскольку афаэр и тут сыграл определенную роль.

В пирамиде оказалось куда меньше сокровищ, чем ожидали найти, но тем не менее они там были. И оценивались в три с половиной миллиона золотых флоринов. Впрочем, Лиза, как и некоторые другие компаньоны, предпочла взять часть причитающейся ей доли натурой. Деньги у нее, в принципе, и без того водились, а вот таких украшений, как эти, не было.

12 января 1932 года

После девичника, устроенного подругами, Лиза спала, как ребенок. Даже снов не видела, а, проснувшись и постояв под холодным душем, и вовсе почувствовала, *«что жизнь удалась»*. Сварила кофе, закурила сигару из тех, что подарил ей благодарный до омерзения Нольф, и села читать «Себерский курьер» за ноябрь-декабрь 1931 года.

Ну, что сказать? Рейчел нигде не соврала, ничего не перепутала и лишнего не сказала. Рассказ получился увлекательным и в меру драматическим, и Лиза играла в нем отнюдь не последнюю роль. Были там, правда, пару сцен, которые она предпочла бы не афишировать, но сделанного не воротишь, не правда ли?

«Написанное пером... – вздохнула Лиза. – Эх она меня подставила! И ведь не специально, не со зла! Исключительно любя!»

Однако всех последствий этой неожиданной «публичности» Лиза не знала. Она не могла даже вообразить, какую странную роль сыграют «путевые заметки» госпожи первого трюмного инженера в Лизиной судьбе.

Однако все это случилось позже, а сначала позвонил Петр.

– Э-э... – сказал он в трубку. – Я... Но... Ты...

– Петруша, – улыбнулась Лиза, которую и раньше-то не слишком трогала личная драма капитана Браге. Теперь же, после того как она с Петром переспала лично, и по прошествии шести месяцев – и каких месяцев! – она и вовсе не рассматривала «своего бывшего мужа» в качестве полноценного антагониста. Есть и есть, ей-то какое дело?

– Петруша, – сказала она в трубку, – ну что ты как маленький, ей-богу! Ты был на мне женат со всеми вытекающими последствиями. Что же ты теперь мнешься, как девица на первом свидании? Убивать я тебя передумала, уводить у Варвары и не собиралась, так что расслабься и получай удовольствие!

– Значит, мы...

– Никаких «мы»! – отрезала Лиза. – Я тебе ясно объяснила, продолжения не будет!

– Извини!

– Извинения приняты! Скажи лучше, откуда ты узнал, что я в городе?

– Полина сказала.

– Какая Полина? – не сразу сообразила Лиза.

– Ну, ты даешь, Лиза! – удивленно воскликнул Петр. – Она же супруга Григория!

– Ах, вот ты о ком! – Лизе даже стыдно стало, что она так легко забыла эту славную девушку. – А она откуда знает?

– Она мальчику в твоём доме платит.

«Да что же это такое! – возмутилась Лиза. – Вот же твари продажные! За деньги мать родную сдадут! Никакой приватности! Всё, блин, на продажу!»

– Ну, хорошо! – сказала она вслух. – Полина узнала, ты позвонил. Зачем?

– Что значит зачем? – опешил Петр. – Ты же мне не чужая! Могу и просто твоим здоровьем поинтересоваться!

– Спасибо, Петя! – усмехнулась Лиза, не устававшая удивляться человеческим странностям. – Я чувствую себя хорошо. Настроение отличное. И вообще, все пучком!

– Мы вечеринку устраиваем! – неожиданно выпалил Петр. – В воскресенье семнадцатого, у нас с Варварой дома. Придешь?

– А повод какой?

– А нужен повод?

– А вы умеете без повода?

– У Варвары день рождения.

– Извини, – смутилась Лиза. – Забыла. Ты же знаешь...

– Знаю и не в обиде. Придешь?

– Во сколько?

– В пять. Значит, придешь?

– Я не помню, где вы живете.

– Ты этого просто не знаешь! – успокоил ее Петр. – Мы там недавно, всего год как живем.

Гвардейская, дом сорок.

– Весь дом?

– Да.

– На Гвардейской? – переспросила Лиза, вспомнив, что это за улица и сколько стоит там недвижимость. Читала в путеводителе, и надо же – не забыла.

– Лиза, я уже второй год вице-директор банка. Оклад, бонусы, пакет ценных бумаг...

– Поздравляю!

– Спасибо. Так мы тебя ждем?

– Я приду, – пообещала Лиза, хотя и предполагала, что еще об этом пожалеет. Опрометчивое решение, но раз уж обещала, слово надо держать.

«Я же офицер, как-никак, а не просто погулять вышла!»

И словно в подтверждение этой мысли, буквально через несколько минут после разговора с Петром, позвонил совершенно неизвестный Лизе капитан-лейтенант Коковцев. Позвонил, представился, спросил, имеет ли честь разговаривать с капитаном фон дер Браге? А она, как назло, на звонок ответила не обычным своим «Браге у телефона», а просто кинув в трубку нейтральное «але».

«Вот же незадача!» – По реакции на свое имя Лиза обычно сразу понимала, с кем говорит, и выбирала правильный тон. Не то на этот раз. Иди теперь пойми, как с этим Коковцевым вести разговор, и о чем, прости господи?

Она по-прежнему не любила иметь дело с флотскими. А ну, как окажется знакомым? Скажем, учились вместе, служили, пересекались тут или там...

– Да, – сказала она в трубку как можно более равнодушным голосом, – это я.

– Елизавета Аркадиевна, – с явным облегчением продолжил разговор офицер, – я звоню вам по поручению адмирала Маркова.

«Час от часу не легче!»

С Марковым, одним из трех новых лордов Адмиралтейства – их в Себерии по старинке все еще называли боярами – Елизавета встречалась дважды. Вернее, Лиза знала о двух встречах, а сколько их было на самом деле – бог весть!

В первый раз Марков, тогда еще вице-адмирал, вручил Елизавете Браге медаль «*За отвагу в бою*», во второй – вынес выговор за «*неоправданный риск*» в точно таком же бою, как и первый. Знакомство не слишком близкое, но тем не менее знакомство.

– Чем могу быть полезна Георгию Алексеевичу? – спросила она вслух. Намеренно назвав адмирала по имени-отчеству, Лиза хотела сразу расставить все точки над «i», подчеркнув то простое обстоятельство, что Елизавета Браге на Флоте более не служит. Однако Коковцев на провокацию не поддался, продолжил разговор в том же деловом ключе, в каком и начал.

– Госпожа капитан, адмирал хотел бы встретиться с вами в неформальной обстановке и как можно скорее. Вас устроит сегодня в пятнадцать ноль-ноль в Морском клубе?

– Сегодня? – переспросила Лиза и бросила взгляд на часы. – В пятнадцать ноль-ноль? На самом деле приглашение Лизу взволновало.

«Что это? – лихорадочно соображала она. – Происки Ивана? Разведка флота? Но отдел документации находится в ведении Набольшего Адмиралтейства боярина Порхова, а Марков...»

Марков руководил управлением кадров и к делам разведки, по идее, касательства не имел. Да и послужной список адмирала к играм рыцарей плаща и кинжала не располагал. Строевой офицер, он даже в высоких штабах надолго не задерживался.

– Так точно, – повторил капитан-лейтенант. – В пятнадцать ноль-ноль.

– Хорошо, – решила Лиза. – Передайте адмиралу, что я буду.

Любопытство победило, пересилив опасения.

– Однако, – добавила из осторожности, – хочу отметить, что я в полной отставке, и приду на встречу, как частное лицо, и, разумеется, не в форме.

– Как вам будет угодно, Елизавета Аркадиевна. Я буду ждать вас в фойе клуба и провожу.

– Мы разве знакомы? – снова насторожилась Лиза.

– Никак нет. Но я видел ваши фотографии. Не ошибусь.

* * *

Морской клуб находился на Александровской набережной. Буквально в одном квартале от главного здания Адмиралтейства в одну сторону и в двух кварталах от Новгородского подворья – резиденции великих князей Новгорода и Пскова, в другую. Однако, памятуя об ограничениях движения транспорта по одной из самых роскошных набережных Шлиссельбурга, Лиза подъехала к клубу со стороны Староверского переулка. Оставила «Кокорев» на подземной стоянке Первого Себерского Кредитного банка и вышла к Морскому клубу через переходной тоннель подземки. Поднялась на поверхность прямо на набережной, пересекла проезжую часть и, поднявшись по семи гранитным ступеням, вошла в предупредительно распахнутую перед ней дверь. Вместо обычного швейцара около дверей Морского клуба нес службу не менее представительный седоусый отставной старшина.

Лиза вошла в просторное, отделанное мрамором фойе, огляделась – она была здесь впервые, – увидела спешащего к ней капитан-лейтенанта в пенсне и, улыбнувшись ему, направилась к гардеробу. Гардеробщика чуть удар не хватил, но он с честью выдержал выпавшие на его долю испытания: вежливо, хоть и с сумрачным видом, принял мантию из меха черно-бурых лисиц, купленную Лизой по случаю невероятных на севере Италии морозов в модном доме Бергони в Милане.

Лиза только усмехнулась, глядя на постное лицо гардеробщика, и решила по такому случаю оставить ему еще и меховую шапку.

Следует сказать, что, как и большинство других «исторических» клубов, Морской создавался как клуб исключительно мужской. Таким он и остался, хотя в согласии с новыми веяниями уже не запрещал появление женщин в своих стенах, но жестко ограничивал их круг старшими офицерами Флота. Таких на данный момент было всего пятеро. Контр-адмирал Панова – главный гинеколог Центрального госпиталя при Военно-медицинской академии, капитан-интендант 1-го ранга Забелина, являвшаяся заместителем главного военного прокурора Себерии, и два боевых капитана: капитан-лейтенанты Корсакова и Крузенштерн. Ну, и Лиза, разумеется. Но она находилась в отставке.

– Елизавета Аркадиевна! Госпожа капитан! – Коковцев был уже рядом и первыми же словами, произнесенными – и, по-видимому, неспроста, – несколько громче, чем следует, дал знать окружающим, что все в порядке, и основы миропорядка неколебимы. – Разрешите проводить вас к адмиралу.

– Разрешаю! – согласилась Лиза и вслед за капитан-лейтенантом прошла вглубь здания. Марков ожидал Лизу на втором этаже, в комнате с окнами на Ладогу, и он был не один. В кожаных креслах вокруг низкого столика, вырезанного из цельного куска мореного дуба, сидели еще два адмирала. Впрочем, они встали, как только Лиза вошла в кабинет.

– Елизавета Аркадиевна, – шагнул к ней Марков, – душевно рад знакомству!

– Вообще-то мы знакомы, – ответила Лиза, протягивая адмиралу руку. – Вы, Георгий Алексеевич, может быть, меня не помните, но мы встречались как минимум дважды.

– Медаль и нагоняй, – кивнул Марков с улыбкой. – А говорили, память напрочь отшибло!

– Это смотря кто говорит! – улыбнулась в ответ Лиза. Обсуждать свое здоровье с высшими офицерами Флота показалось ей лишним.

– Здравствуйте, Кирилл Николаевич! – повернулась она к невысокому сильно располневшему адмиралу. Адмирала Кондратьева она узнала по фотографии, остальное было взято из справочников, морской энциклопедии и дневников Елизаветы Браге.

– Здравствуйте, Лиза! Искренно рад вас видеть живой и здоровой. Люди разное говорят, а я вас, как вы понимаете, хорошо помню. Не каждый день девушка в Академию поступает!

– Да уж... Мне, наверное, перед вами извиниться следует, – притворно вздохнула Лиза. – Нервов я вам попортила немерено!

– А уж сколько крови выпили! – рассмеялся довольный ее репликой адмирал.

– Та еще язва была! – объяснил он другим адмиралам.

– Так ведь не сильно и изменилась, не так ли! – усмехнулся третий, самый старший из присутствующих. Лиза опознала его как адмирала Верникова, но не знала, пересекались ли они в прошлом.

– Я Верников, – представился адмирал, – Павел Кузьмич.

– Очень приятно, – пожала ему руку Лиза. – Браге.

– Что ж, – Марков подошел к столику и указал на кресла. – Прошу садиться, господа!

Согласно флотской традиции, чуть подправленной в угоду прогрессу, все офицеры – по определению – господа. Женщины тоже.

– Благодарю! – Лиза села в одно из четырех кресел и с любопытством, которое не собиралась скрывать, посмотрела на адмиралов.

– Что будете пить, Елизавета Аркадиевна? Чай, кофе, что-нибудь покрепче?

– Спасибо, – чуть кивнула Лиза. – Коньяк будет в самый раз.

Она достала портсигар и закурила. Пепельница на столике это предусматривала.

– Скажите, Елизавета Аркадиевна, – начал между тем адмирал Верников, – в газетах пишут, вы сажали крейсер в грозу на неподготовленную площадку. Это правда?

– Легкий крейсер, – уточнила Лиза. – Бриг. Голландский, восьмой серии.

– То есть да? – пыхнул трубкой Кондратьев.

– В принципе, да, – согласилась Лиза. – Не так элегантно, как описывает в своих очерках господин Питсбургер, но в основном все так и было.

– Кто этот Питсбургер? Вы его знаете? – Марков достал сигару и, казалось, был всецело занят раскуриванием, но, как выяснилось, так только казалось.

– Ну, это, собственно, не секрет, – улыбнулась Лиза. – Это Рейчел Вайнштейн, наш первый трюмный инженер.

– Ну, я где-то так и понял, – кивнул Марков. – По описанию событий видно – писал скорее инженер, чем пилот.

– Расскажите, как все было на самом деле? – снова вступил Кондратьев.

Ну что ж, ей стыдиться было нечего.

– Расскажу.

И Лиза стала рассказывать. Минут за десять управилась, как раз принесли кофе и коньяк.

– Вот что значит отсутствие метеорологической разведки! – подытожил ее рассказ адмирал Марков. – Но вы молодцом, Елизавета Аркадиевна! Все правильно делали, укорить вас просто-таки не в чем. Не посрамили честь мундира! А еще говорят, что из истребителей капитаны крейсеров не получают! Еще как получают!

– Спасибо! – Лизе действительно было приятно. Всегда хорошо получить похвалу, но из уст лорда Адмиралтейства – это уже, как мечи к Александру Святому.

– Значит, и про бой техасского брига с английскими кораблями тоже правда? – Верников отпил немного коньяка и одобрительно кивнул.

Коньяк и в самом деле был хорош. Лиза уже успела его оценить по достоинству. Вопрос, впрочем, тоже.

«Это что, – спросила она себя, – это они любопытство тешат или тут есть какой-то подвох?»

Ей показалось, что подвох есть. Но в чем, она даже представить себе не могла. Тем не менее про ночной бой рассказала.

– А ведь хороший маневр! – похвалил ее Кондратьев.

– Ну, не скажи! – возразил ему Марков. – Это вот Елизавета Аркадиевна смогла, а большинство капитанов угробятся, если попробуют. Ты представляешь, какое тут требуется странственное чутье?

Завязалась дискуссия. Адмиралы живо обсуждали тот Лизин маневр, когда она положила бриг на борт, и другие детали боя, а заодно и вообще злободневные вопросы тактики тяжелых кораблей. О Лизе словно бы забыли, но она не сомневалась – помнят, и, как вскоре выяснилось, не ошиблась.

– Как думаете, Елизавета Аркадиевна, – повернулся к ней Марков, – вы медицинскую комиссию пройти сможете?

– А смысл?

– Вернуться в строй, перейти в активный резерв.

– Активный резерв...

Звучало заманчиво. Резервисты первой волны действительно рассматриваются как находящиеся в строю.

– О чем конкретно мы говорим, господин адмирал?

– О «Вологде».

«Вологда»? Серьезно?» – ее словно жаром обдало. Дай бог, чтобы собеседник не заметил, но в виски ударило не по-детски, и судорога прошла от поясницы до плеч.

«Вологда» – артиллерийский крейсер 1-го ранга, и назначение на него означало неслыханный карьерный взлет. Впрочем, это на первый взгляд. А на второй – крейсера типа «Псков» уже «старые старички» и все, как один, находятся на консервации.

«На консервации... Даже так?!»

– Мы что, к войне готовимся? – прямо спросила Лиза.

– Мы всегда к войне готовимся! – хмыкнул Кондратьев.

– Да, Елизавета Аркадиевна, готовимся, – подтвердил Марков. – К большой войне. Так что резерв может очень скоро понадобиться. На «Вологде» сейчас полным ходом идет ремонт, проводится частичная реконструкция. Оптимизируем машину, ставим радиискатель и автоматические пушки. В общем, подтягиваем ветерана под новые стандарты. Скорость и высота, конечно, от этого сильно не изменятся, но броня и главный калибр все еще очень даже соответствуют!

«Водоизмещение под двадцать тысяч тонн... Но скорость максимум семьдесят узлов. Сиречь – 120–130 километров в час. Почти как мой “Кокорев”, однако в строю... В строю он действительно должен быть хорош. Главный калибр паровой – 180 миллиметров, но сотни – обычные пушки и скорострельность у них будь здоров! И шестнадцать левитаторов...»

– Допустим, я пройду медкомиссию, что потом?

– Переаттестуем в офицера действующего резерва и назначим командиром на «Вологду». У нас командиров крейсеров с боевым опытом сейчас немного, будете более чем полезны. Так как?

– С брига мне придется уйти? – вопрос, как оказалось, непростой. Болезненный.

– Зачем? – остановил ее Марков. – Вы же не на вражеском корабле служите! Не на поляке или, прости господи, киевлянине. Ходите себе на техассце сколько вздумается. Нам же лучше! Пока суд да дело, набираете опыт судовождения в сложных условиях пилотирования, и никакие сборы не нужны. Вот сходите в феврале на недельку в учебный поход на «Вологде», и свободны! До тревоги, разумеется, но тогда будет уже не до поиска сокровищ...

17 января 1932 года

Оказалось, Петр преуспевает. Лиза об этой стороне жизни своего «бывшего» ничего толком не знала, а Елизавету эти мелочи жизни и вовсе не интересовали. Отметила мимоходом, что он из хорошей семьи – прямиком из новгородской старшины, – добавила, что занимается финансами, и все, собственно. Однако когда Лиза начала изучать факты, находящиеся в свободном доступе, выяснились весьма любопытные подробности. Мамоновы ведь были не просто почетными гражданами Господина Великого Новгорода. Они и по сей день владели значительной долей на новгородской лесной бирже, но торговали не только лесом и пиломатериалами, им принадлежали, правда, в основном на паях, рудники, а также обогатительные и металлургические заводы на Кольском полуострове и в Ниене. Платина, титан, алюминий, редкие металлы... Но и сам Петруша был не промах. В последние годы он сделал головокружительную, но вполне объяснимую его способностями и семейными связями карьеру. Вице-директор второго по величине себерского банка – это, считай, как минимум контр-адмирал. Но к их отношениям, вернее, к отношениям между Лизой и ее вновь обретенной семьей прямого отношения карьерный рост Петра не имел.

Через день после разговора с Петром Лиза уже не была уверена, поступила ли она правильно, согласившись прийти на вечеринку. Что ей там делать? Кто она им и кто они ей? Однако слово не воробей, вылетит – не поймаешь: обещала прийти, изволь соответствовать.

«Ладно! – решила Лиза. – Схожу. С меня не убудет, и это всяко не страшнее путешествия на плоту по реке Мосезе!»

И вот в воскресенье семнадцатого она остановила свой белоснежный «Кокорев» на подъездной дорожке у дома номер 40 по Гвардейской улице, оказавшегося особняком в итальянском стиле. Лиза притерла локомотив к поребрику, оставляя место для проезда других машин, и вышла на оставленную между асфальтом дороги и травой газона узкую тропинку, вымощенную кирпичом.

На этот раз она оделась скромно: итальянские туфли, меховое мантио, парижское шелковое платье, марокканский шарф из тонкой шерсти и семейные драгоценности – аметистовый гарнитур. Прошла к подъезду, швейцар открыл перед ней дверь, и первой, кто бросился обнимать Лизу, оказалась Полина.

– Лиза! Ну наконец-то! – затараторила девушка, проявляя несколько чрезмерный, на взгляд Лизы, энтузиазм. – Мы так переживали за тебя! Это путешествие... А в газетах... Григорий говорит... Я даже не поверила... А мы... Ты знаешь, мы поженились! А тебя не было... Так жаль!

Между тем к ним подошел Григорий.

– Представь себе, Лиза, я соскучился!

– Серьезно? – она своим ушам не верила.

Григорий проявил какие-то человеческие чувства? Соскучился? По ней?! Но факт, исчезло куда-то наглое равнодушие из глаз, и – хотя все остальное осталось без изменений – этого было достаточно, чтобы «проникнуться».

«Что происходит? – спросила она себя едва ли не с оторопью. – Что я пропустила?»

– Обойдемся без объятий, не возражаешь?

– Ни в чем себе не отказывай! – оскалился Гриня, но и оскал у него сегодня получился какой-то «вегетарианский».

– Кстати, поздравляю!

– С чем именно? – «недоуменно» поднял бровь Григорий.

«А что, свадьба не повод? Или есть что-то еще?»

– Во-первых, со свадьбой! – изобразила Лиза «техническую» улыбку. – А во-вторых, с внеочередным производством! – она все-таки углядела, что Григорий стал носить полковничьи погоны. – Ведь внеочередное, я права?

– Права, заслуги не хватало, – и он как бы невзначай коснулся пальцами левой руки своей груди.

«Ого! – оценила Лиза. – Во что же ты влип, Гриня?!»

– «Михаил» второй степени? Впечатляет! Кого же ты убил, братец? Не иначе как самого Пятковского!

– С чего ты решила, что это были поляки?

– А кто еще? – насторожилась Лиза.

– Потом расскажу, – и он отошел в сторону, приглашая Лизу, пройти в гостиную.

«Вот те раз! Что, блин, за тайны мадридского двора?»

Однако с Грини все только началось. Пока поздравляли виновницу торжества, пока «выпивали и закусывали», Лиза нет-нет да бросала взгляд на Ивана – мужа ее двоюродной сестры Татьяны, однако капитан 2-го ранга Иван Гаврилович Кениг оставался невозмутимо нейтрален, словно и не было того в высшей степени занимательного ночного разговора. Зато совершенно неожиданно для себя Лиза обнаружила, что живой интерес к ее особе проявляют кузен Виктор и его жена Дарья. Виктор Львович и Дарья Дмитриевна Шумские Елизавету никогда всерьез не занимали, и в своих дневниках она о них почти ничего не написала. Пара фраз тут, замечание там, но никогда и ничего конкретно о них. Обычно только в контексте и по случаю. И все, что Лиза знала о Шумских, это то, что Виктору – на глаз – лет сорок или около того, а Дарья, пожалуй, даже моложе Лизы. Лет двадцать семь – двадцать восемь, больше не дашь. Женаты шесть лет, детей пока нет, и это все о них.

«Ну что ж, – решила Лиза, – про Ивана я тоже раньше ничего не знала. Поживем – увидим!»

Между тем вечеринка продолжалась. Перед десертом Лиза вышла покурить на застекленную веранду. Несколько фикусов, пальма в кадке, какие-то вьющиеся растения по двум стенам – дикий виноград или еще что, – стол, несколько стульев, кресло, этажерка с газетами. Почему не пошла в курительную комнату? Наверное, потому, что подсознательно ожидала некоего повторения прошлогоднего семейного торжества. Все – там, она одна здесь. И любой, кто захочет поговорить с ней тет-а-тет, имеет возможность подойти под благовидным предлогом: покурить на веранде – в холодке и тишине, или перекинуться парой слов с непутевой родственницей.

Едва слышно скрипнула дверь. Потом половица, и еще одна. Человек шел мягко, но не беззвучно. Одним словом – не прятался, хотя и мог.

«Этот может!» – вспомнила Лиза замечание Елизаветы.

– Полагаю, на мой счет ты не заблуждаешься?

– Нет, Гриня, не заблуждаюсь. – Оборачиваться не стала. Если есть, что сказать, и так скажет, а рассматривать его физиономию – очевидный перебор.

– Вообще-то ты сука, Лиза!

– Сразу в карьер? – пыхнула папироской.

– Ты переспала с невестой на смотринах, – холодно констатировал ей в спину Григорий. – С моей невестой! Мало того что извращенка, так еще и наглая сука, разве нет?

– Без комментариев, – бросила коротко.

– А и не надо, Полина мне сама перед свадьбой все рассказала.

– Я рада за тебя!

– Вот и я попервости обиделся, а потом смотрю, чистый профит!

– В чем твой интерес? – любопытство заставило обернуться.

– Ты в курсе, что у нас война на носу? – Григорий стоял в нескольких метрах от нее, смотрел этим своим фирменным, «рыбьим» взглядом.

«И этот туда же! Да что они все свихнулись, что ли? – возмутилась Лиза, но тут же и спохватилась. – А что если и в самом деле?»

– Война? – спросила вслух. – Серьезно?

– Такими вещами не шутят.

– Ладно, допустим. Что с того?

– Ты давеча спросила, за что я «Михаила» получил.

– Так за что?

– За диверсию византийцев в низовьях Днепра.

– Значит, это были не византийцы! – поняла Лиза.

– Без комментариев, – оскалился Григорий. – Но по факту, Лиза, неделю назад я принял третий полк гвардейских пластунов. Отсюда и просьба, присмотри за Полиной, если что.

«От оно как! Гвардейские пластуны!»

Теперь Лиза кое-что поняла и про Григория, и про то, каким образом год назад он впутал в ее дело армейскую контрразведку. Гриня служил в местном аналоге спецназа. Элитные части. Аксельбанты и прочие фантики. Однако на самом деле гвардейские пластуны такие же отморозки, как и разведчики флотского десанта. Красавцы, безумцы, и, разумеется, если что, их посылают в самое пекло.

– Прости, Гриня, – сказала она почти искренно, – но ты обратился не по адресу. Я два дня назад вернулась в активный резерв. Если начнется, поведу в бой крейсер, а крейсера в строю, сам понимаешь, не самое безопасное место на войне...

– Прошла медкомиссию? – нахмурился Григорий.

– Признана годной для строевой, – пожала плечами Лиза.

– А я думал, уйдешь со своими пиратами куда-нибудь подальше и Полину с собой забереешь.

– А вот это идея! – кивнула Лиза. – Я могу попросить шкипера, он мне не откажет.

– Что ж, – согласился Григорий, – попроси!

И, ничего к этому не добавив, даже не попрощавшись, покинул веранду.

Григорий ушел. Лиза проводила его взглядом. В задумчивости щелкнула крышкой портсигара и даже не запомнила, как доставала папиросу и как закуривала. Нашла себя через какое-то время с прогоревшей до мундштука папиросой, потухшей и даже уже не дымившей: стояла у стеклянной двери и смотрела, как на улице медленно падает снег.

Разговор с «братом Гриней» уже не в первый раз поставил вопрос ребром: кто она, Лиза Браге? Тень воина или воин? Лиза Берг, Елизавета Браге или кто-то третий, новый и неизвестный?

Сейчас она с полной очевидностью поняла, что, не задумываясь, легко и естественно приняла предложение адмирала Маркова и, более того, была горда и счастлива получить такое предложение. И перед медкомиссией волновалась, как «настоящий пилот». И позже «держала себя в узде», стараясь никому из проверявших не показать ни своего страха, ни своей неуве-

ренности. И, разумеется, она помнила приступ счастья, обрушившегося на нее, когда прочла в заключении комиссии, «практически здорова»... «ограничений не имеет»... «пригодна к строевой службе на боевых кораблях Флота».

«Пригодна» – означало среди прочего именно то, о чем она сказала пару минут назад своему «полубрату»: если начнется война, Лизе предстоит повести в бой артиллерийский крейсер «Вологда». И этим все сказано. Война – это кровь и смерть, но для авиатора Елизаветы фон дер Браге это еще и работа. Впрочем, как только что выяснилось, для Лизы теперь все обстояло точно так же.

«Есть такая профессия – родину защищать», – вспомнила она фразу из старого советского фильма и даже не удивилась, почувствовав, как точно соответствует это определение ее внутреннему ощущению.

11 марта 1932 года

Ресторан «От-кутюр» – не трактир, тем более не корчма, а именно ресторан на европейский лад. Модный в этом сезоне, пафосный и дорогой, но столичные кутюрье хаживали сюда еще задолго до того, как заведение приобрело такую популярность у шлиссельбургских богачей. Собственно, в первую очередь, поэтому Наде оказалось достаточно всего лишь выразить желание зайти вечером в «От-кутюр», и ресторатор Самошин тут же организовал для нее столик. Впрочем, имелась и другая причина. Когда еще и где увидишь вместе одного из самых востребованных модельеров столицы Надежду Вербицкую, оперную диву «европейского разлива» Клавдию Добрынину и кавалерственную даму капитана баронессу Елизавету фон дер Браге? Если честно, то редко когда и, черт его знает, где.

Так что ничего удивительного, что на них смотрели. Смотрели, и еще как! Однако умение игнорировать настырный интерес совершенно посторонних тебе людей – неперемное условие публичности. Без этого на горних вершинах известности и славы не то что не прожить, просто не выжить. И если Елизавете, с ее ничтожным опытом, искусство «равнодушия» давалось с трудом, – Надежда с Клавдией помогали ей, как могли. А могли они много как, хотя этим вечером превзошли самих себя. Мало того что место атмосферное, и марсельский диксиленд – выше всяческих похвал, так еще и разговор, доверительный, непринужденный и на более чем подходящие темы: мода, любовь и оперная сцена – со смехом, шутками и с франкским шампанским, которое буквально лилось рекой. Тем не менее «среди своих», то есть исключительно между собой, подруги оставались внимательны друг к другу и не скрывали своего благожелательного интереса ко всем «грязным подробностям» личной и общественной жизни «любой из трех».

– Милая, ты уже в четвертый раз смотришь на часы, – испытующе глянула на Лизу Надежда, – мы кого-то ждем?

– Жду, – вздохнула Лиза и пыхнула в рассеянности папироской.

Телеграмму из Гетеборга она получила еще утром и сразу же отписалась, указав, где и когда ее искать, если, конечно, курьерский «скачок» Эдинбург – Антверпен – Ниен прибывает без опоздания, и в Ниене найдется попутный борт в Шлиссельбург.

– Вот как? – заинтересовалась Клавдия. – Кто он? Почему раньше не рассказывала?

– Да сама еще не уверена, – снова вздохнула Лиза. – Познакомились случайно и при весьма драматических обстоятельствах. Во всяком случае, тогда мне было не до любви. Позже виделись лишь мельком, да и то на людях. А потом он мне написал...

– И понеслось! – хохотнула Клава, уловившая самую суть интриги.

– Да нет! Что ты! – покраснела Лиза, обычно не склонная к смущению. – Мы только переписывались...

«Да, представьте! Только переписывались!»

С ее-то наклонностями, с ее-то «послужным списком»! Однако из песни слов не выкинешь: так оно все и происходило. Переписка, пара-другая телефонных разговоров. А потом он вдруг сообщает, что взял билет на «экспресс» и спрашивает совета, на каком постоялом дворе в Шлиссельбурге ему стоит зарезервировать номер?

– Он хорош собой?

– Мне нравится.

– Где вы познакомились?

– В Африке.

– Наш, себерский?

– Нет, франк, вернее, шотландец...

– Так франк или шотландец?

И дальше в том же роде.

За разговорами Лиза отвлеклась и какое-то время не смотрела ни на часы, ни в сторону входа.

– Только не говори, что этот красавчик он! – Первой Якова увидела Надежда и оценила по достоинству.

– Извини, Надя, но это именно он! – ответила Лиза, повернувшись туда, куда смотрела подруга.

Яков шел по проходу между столиками, и да, он был чудо как хорош. Высокий, широкоплечий, темноволосый и темноглазый. В общем, мечта любой себерской женщины, которые – так уж сложилось – легко западали на южан. А Яков как раз и являл собой лучший образчик средиземноморского типа, хотя по происхождению считался скорее шотландцем, чем франком. Впрочем, темноволосых шотландцев тоже пруд пруди, только у них тип другой. А еще Лиза впервые увидела Якова в смокинге, со всем прилегающим к этому «блюду» «гарниром», – белоснежной манишкой, галстуком бабочкой и лакированными штиблетами, – и мгновенно поняла, что все это ему ужасно идет, и к тому же все это он умеет носить.

– Умереть не встать! Какой мужчина! – констатировала Клавдия, которая, несмотря на очевидные сексуальные предпочтения, умела быть объективной.

Между тем Яков подошел к их столу и вежливо поклонился.

– С вашего позволения, дамы, – сказал он по-русски, хотя и с чудовищным английским акцентом, – разрешите представиться! Джейкоб Август Мария Паганель! К вашим услугам!

Он обвел подруг чуть насмешливым взглядом темно-карих глаз, одарил их своей невероятно привлекательной улыбкой и, повернувшись к вставшей навстречу ему Лизе, осторожно коснулся губами ее щеки.

– Если позволишь...

– Ты спросил постфактум! – неискренне возмутилась Лиза, забывшая вдруг, сколько ей лет и кто она такая в этой жизни.

– Главное, что спросил! – возразил Яков, пододвигая ей стул.

– Позволите? – снова постфактум спросил он, садясь за стол.

– С каких пор ты говоришь по-русски? – «поддержала разговор» Лиза, хотя, видит бог, даже от этих ничего не значащих реплик ее вдруг бросило в жар.

«Вот же напасть! Совсем голову потеряла, дура старая!»

И в самом деле, напасть. Ведь, если быть искренней, первое время «в новом мире и в чужом теле» Лиза образчиком благонравия явно не была. Скорее наоборот: грешила легко и беззаботно, словно не ведавшая греха Лилит. Однако со временем Лизино отношение к постельным играм несколько изменилось. Достаточно сказать, что последним мужчиной, с которым она спала, был профессор Скиапорелли. И случилось это аж в мае месяце прошлого года. Был, правда, еще один мужчина, но Федора можно было считать персонажем сна.

– С каких пор ты говоришь по-русски? – спросила Лиза.

– С недавних. Решил вот выучить...

Между тем перезнакомились, и официант принес еще один прибор. Подняли бокалы «за знакомство», и Яков выпил со всеми за компанию шампанского, но уже через пару минут – закулив, раз уж дамы курят – кликнул официанта и попросил принести шотландский виски, но виски в карте вин не оказалось.

– Принесите виленскую старку! – распорядилась тогда Лиза.

– Так виленская, она же контрабандная, – потупил взгляд официант.

– Мы не из полиции, милейший, и не из министерства финансов, – улыбнулась Лиза, – так что давай неси! В графине.

– Старка немного напоминает зерновой виски, – объяснила она Якову, – хотя и лучше. Попробуй! Не пожалеешь!

Яков «попробовал», затем «попробовал» снова и еще раз, и стало очевидно, что шотландцы, как и себерцы, под хорошую закуску и в хорошей компании пить могут до бесконечности.

– Скажите, Джейкоб, – спросила после очередного тоста Надежда, – вы имеете какое-то отношение к шляпам «паганель»?

– Самое прямое, – улыбнулся Яков, явно довольный этим вопросом.

– Вот как? – удивилась Лиза. – Этого ты мне еще не рассказывал!

– Увы, мой друг, – снова улыбнулся Яков, но теперь уже персонально Лизе, – я тебе еще много о чем не успел рассказать.

И это было правдой. Когда и где ему было рассказывать ей о своей жизни? Она ему, впрочем, тоже о многом не рассказала.

– Что же касается соломенной шляпы «паганель», – обернулся Яков к Надежде, – ее придумал и ввел в моду мой дед Жак Паганель, в честь которого я, собственно, и назван Джейкобом. Ну, знаете, Джейкоб, Яков, Жак...

– Вернемся к вашему деду, Джейкоб, – предложила Надежда, которую, в первую очередь, интересовал мир моды, а все остальное можно было отложить «на потом». – Какое отношение он имел к изготовлению шляп?

– Не он сам. Скорее его жена. Видите ли, мой дед был известным естествоиспытателем и путешественником. В частности, в 1868 году он совершил невероятное по сложности путешествие вдоль 37-й параллели южной широты. Вот в ходе этого удивительного путешествия он и придумал шляпу нового образца, отлично защищавшую голову от солнца. Позже его жена и моя бабушка Мэри Грант открыла в Эдинбурге модный дом и среди прочего начала продавать «паганели»¹, пользовавшиеся большим успехом у спортсменов и всех тех джентльменов, кто отправлялся в колонии...

– Так вы из Эдинбурга? – уточнила Надежда. – Кутюрье?

– О нет! – рассмеялся Яков, поднимая рюмку. – Я из Эдинбурга, но совсем не по этой части. За милых дам!

– Хороший тост, – согласилась Клавдия, поднимая свой бокал.

– Чем же вы занимаетесь, Яков? – спросила она, выпив шампанское.

«Сколько веревочке ни виться...» – смирилась Лиза с неизбежным.

– Яков, – сказала она, принимая на себя обязанность представить подругам своего мужчину, – профессор Эдинбургского университета, неперменный член Лондонского Географического общества, иностранный член Французской академии и рыцарь ордена Чертополоха².

– А с виду и не скажешь! – хмыкнула Надежда.

¹ История частично заимствована у другой соломенной шляпы – канотье.

² Древнейший и благороднейший орден Чертополоха – рыцарский орден, связанный с Шотландией. Яков VII (король Шотландии) (также известный как король Англии Яков II) учредил современный орден в 1687 году.

– Вот как легко ошибиться в человеке, – поддержала ее Лиза. – Я же сказала, мы познакомились в Африке.

– Я помню, – кивнула Надежда, – в Африке. Но не до такой же степени!

Часть I

Одиссея капитана Браге

Глава 1

Одинокий марш

Июль, 1931

Подъем оказался гораздо сложнее, чем казалось снизу. Сначала пришлось пересечь пологую, но обширную осыпь, потом долго плутать среди огромных обломков скалы и колючего кустарника, и, наконец, апофеоз отчаяния – вертикальная стена. Двенадцать-пятнадцать метров ровной, как стол, скалы, и поздно уже спускаться вниз и искать дорогу в обход. Дело за полдень, солнце стоит высоко и жарит беспощадно, а воды во фляге Тюрдеева осталось максимум на треть. Если не подняться здесь, где наверху виднеются ветви деревьев, – и значит, остается надежда найти воду, – то уже не принципиально, умрешь ли ты, сорвавшись со скалы, или тебя медленно убьет жажда. Лиза решила, что лучше все-таки идти вверх, тем более что, как говорят в Себерии, кто не рискует, тот не пьет шампанское. Однако где-то на середине подъема ей вдруг подумалось, что, пожалуй, она погорячилась.

Разумеется, стена – в скалолазании такие участки называют «зеркалом» – была не абсолютно гладкой. Тут и там ее пересекали вертикальные трещины, некоторые из которых шли зигзагом или даже под углом. Имелись и выступы. Немного, но они находились, если долго шарить пальцами по нагретшейся под солнцем скале. Карнизы и козырьки, за которые можно ухватиться лишь кончиками пальцев, и полки, на которых умещались одни только носки ее ботинок. Крайне утомительный подъем – трудный и опасный, – и все это под яростным солнцем, без страховки, волоча за собой веревку, к которой привязаны рюкзак и шест. Тем не менее подъем был возможен, и Лиза карабкалась вверх, борясь с усталостью и жаждой, а заодно и с готовым обрушиться на нее приступом отчаяния.

И вдруг... Впрочем, такие вещи всегда случаются неожиданно.

– Не шевелитесь, месье!

Лиза не сразу поняла, что обращаются к ней, но голос сверху был настойчив.

– Замрите! Мы спускаем веревку! Держитесь, месье, мы вас вытащим!

«Месье? – удивилась Лиза, хотя бог свидетель, сил на эмоции уже не осталось. – Это ко мне? Ах да! Он же видит только голову в платке и плечи...»

Всё верно. Сооружая из парашютного шелка платок, защищающий от прямых солнечных лучей лицо и голову, Лиза думала о хиджабе, то есть смотрела на проблему с точки зрения женщины. Мужчина на ее месте, скорее всего, подумал бы о бандане или о куфие, если бы все-таки захотел прикрыть еще и лицо. И тот, кто сейчас смотрел на Лизу сверху вниз, тоже думал на мужской манер. Ну, а встретить одинокую белую женщину в самом сердце черной Африки, такого ужаса не мог себе вообразить ни один цивилизованный человек по ту и эту сторону Атлантики. Впрочем, этот был европейцем. Он говорил по-франкски, и притом не абы как, а с великолепным парижским произношением.

«Парижанин? Здесь? Ну, надо же!»

Между тем франк не обманул, и через пару секунд рядом с лицом Лизы появилась веревка с петлей на конце. Это была крученая льняная веревка, какие используют при горных восхождениях, что могло кое-что рассказать об опытности ее хозяина и серьезности его намерений.

– Хватайте веревку, месье! – крикнул мужчина. – Держитесь! Мы вас вытащим!

Возможно, франк предполагал, что Лиза сможет продеть веревку под мышками. Это была неплохая идея, но Лиза никак не могла сообразить, как это сделать так, чтобы не сверзиться вниз. Такое вот мгновенное помутнение, но и раздумывать было некогда. Так что Лиза обошлась малым. Она схватила веревку правой рукой, накрутила ее вокруг ладони и запястья, удерживаясь на одних лишь кончиках пальцев левой руки и носке правого башмака, и, наконец, решительно перенесла весь свой вес на альпинистский трос. Рывок, резкая боль в правой руке, но в следующее мгновение Лиза уже ухватилась за веревку еще и левой рукой и уперлась ногами в стену. По-видимому, за ее действиями наблюдали, потому что, как только она попробовала «идти по скале», веревку потянули вверх. «Идти» сразу стало легче, и через пару минут Лиза уже перелезала через край скалы. Ее тут же подхватили под руки, оттянули от обрыва и подняли на ноги. Лиза шагнула вперед, постояла мгновение, собираясь с силами, отвязала от пояса и передала кому-то конец тянущейся вниз веревки, но уже в следующее мгновение едва добралась до первого подходящего дерева, силы покинули ее. Лиза опустилась на землю, оперлась спиной о ствол и потянулась к фляге, висевшей справа на поясе, уравнивая тяжелый «горбатов», прикрепленный слева.

Однако фляга оказалась пуста.

«Что за хрень!» – Лиза была уверена, что у нее еще оставалась вода. Немного, но не меньше трети объема фляги.

Она в раздражении встряхнула флягу, словно надеялась на возможную ошибку, перевернула горлышком вниз, но это, разумеется, не могло изменить того факта, что вода закончилась. Вопрос, когда это случилось? Но этого Лиза не запомнила.

– Ваша фляга пуста, – констатировал уже знакомый Лизе голос. – Возьмите мою, месье. Она полная.

Лиза не стала благодарить. На все эти глупости у нее просто не оставалось сил. Она сдернула с лица прикрывавший нос и рот платок, приняла предупредительно открытую мужчиной флягу, поднесла к губам и пила до тех пор, пока не выпила всю воду до дна.

– Давно без воды? – сочувственно спросил все еще неизвестный Лизе собеседник.

Лиза посмотрела на фляжку – «не меньше семисот граммов, однако!» – и подняла взгляд на мужчину.

– Я думала, у меня еще есть вода. Но раз фляга пуста, значит, остатки воды я выпила сегодня утром... или вчера вечером. Не помню.

– Вы не мужчина! – удивление Лизиного спасителя могло показаться комичным, но Лизе было не до смеха.

Сидя сейчас на земле под деревом, она, наконец, поняла, что в очередной раз практически чудом избежала смерти. Скалолазание и само по себе дикий вид спорта, но «фри соло» на пятнадцатиметровом зеркале без специальной подготовки и оснащения, и в состоянии, близком к тепловому удару – настоящее безумие. Тем не менее это именно то, что она сделала.

– Да, месье, – сказала она вслух, – я женщина. Обращаясь ко мне, следует говорить «мадам». Мадам Берг, месье! Услуг не предлагаю, но за помощь благодарю!

Вот теперь он улыбнулся.

– Приятно познакомиться, мадам Берг! Джейкоб Паганель, к вашим услугам!

«Паганель?» – имя незнакомца показалось Лизе смутно знакомым, но она не помнила, откуда. Впрочем, она была сейчас не в том состоянии, чтобы напрягать память.

– Могу я спросить, где находится месье Берг? – спросил между тем Джейкоб Паганель.

– Дома, я полагаю, – пожала натруженными плечами Лиза, вспомнив отчего-то не своего бывшего – Петра, а совсем даже не своего – покойного Тюрдеева.

– Мы в разводе, – уточнила она, поразмыслив над тем, как прозвучал ее ответ. Другой вопрос, отчего она назвалась своей «девичьей» фамилией?

– Так вы одна?

Вопрос, что называется, напрашивался. Но Лиза не хотела рассказывать правду. Для этих людей стоило озвучить какую-нибудь правдоподобно звучащую версию, но ни в коем случае не называть имен и не раскрывать истинного положения дел. Ее обстоятельства и так были весьма запутанными, а ведь королевство Яруба контролировали не одни только британцы. Франки тоже в деле.

– Я не совсем поняла, месье Паганель, – сказала Лиза, обводя взглядом собравшихся вокруг людей, – что вы делаете в горах Кхонга?

В принципе, это было невежливо, ведь он спросил ее первым, но дюжина белых и черных мужчин, одетых в тропические костюмы и вооруженных винтовками, выглядела весьма подозрительно. Однако Паганеля вопрос не удивил.

– Мы экспедиция Лондонского Географического общества, мадам Берг, – объяснил он. – А я имею честь стоять во главе этой экспедиции.

– Что же вы изучаете? – не унималась Лиза.

– Мы пытаемся найти приемлемый маршрут для строительства железной дороги из Томбута к рудникам Маобы и в другую сторону – до побережья. Вывозить руду воздушными судами слишком дорого...

– Так вы, месье Паганель, стало быть, инженер-геодезист?

– Нет, мадам, – снова улыбнулся Джейкоб Паганель, – я ученый-географ, профессор Эдинбургского университета.

– Как интересно! – попробовала восхититься Лиза, но ничего путного из этой ее попытки, разумеется, не вышло.

– Не думаю, – покачал головой профессор Паганель. – Во всяком случае, не сейчас. Если позволите, мадам, я бы сказал, что вы выглядите, как настоящая жертва кораблекрушения.

«Робинзон Крузо? Спасибо, профессор, вы мне очень помогли!»

– Ну, так я и есть жертва кораблекрушения! – заявила Лиза, припоминая подробности одной из сказок, рассказанных Мари Нольф.

– Я летела... – начала она свой «печальный» рассказ, но сама же себя перебила на самом интересном месте.

– У вас случайно нет папиросы? – спросила она франка. – Очень хочется курить, знаете ли!

– Вас устроит трубка? – сразу же предложил профессор Паганель. – Разумеется, если вы не побрезгуете. Это моя трубка.

Сейчас, когда Лиза лучше рассмотрела Джейкоба Паганеля, он показался ей отнюдь не типичным профессором. Молодой – ему нельзя было дать больше тридцати пяти, – высокий и крепкий, он выглядел, скорее, бывалым путешественником, чем кабинетным ученым. Впрочем, Лиза уже встречала одного такого молодца, но профессор Нольф был старше Паганеля как минимум на двадцать лет. И еще один немаловажный факт: новый знакомый Лизы определенно был хорош собой. Темно-каштановые волнистые волосы, внимательные карие глаза, волевой подбородок и большой, типичный для франков нос с небольшой, но выразительной горбинкой.

– Трубка? – переспросила Лиза. – Что ж, это лучше, чем ничего. И я не брезглива, профессор. После того, что я ела и пила в эти дни... Ну, я думаю, вы меня понимаете.

– О да! – Он ее понимал.

Профессор был даже так любезен, что сам взялся набивать Лизе трубку.

– Так вот, – продолжила Лиза, наблюдая за тем, как споро работают пальцы Джейкоба Паганеля. – Мы путешествовали на шхуне «Лютеция». Сама я себерянка, но мой старинный приятель Кристоф Девулф, владевший этим прекрасным кораблем, фламандец. Мы вышли из Антверпена около месяца назад. Хотели, знаете ли, устроить себе африканские каникулы. Охота на слонов и носорогов, дикие земли, народные танцы... Увы, наша шхуна потерпела

крушение где-то восточнее хребта Асаи. Вернее, шхуна взорвалась, но это случилось, когда меня не было на борту. Удачное для меня стечение обстоятельств, не более того, однако в тот день судьба явно мне благоприятствовала. Я с несколькими спутниками находились в то время на экскурсии в излучине реки Мосезе. Там мы устроили временный лагерь и ночью увидели мощный взрыв как раз там, где на якорной стоянке осталась наша шхуна. А на рассвете лагерь был атакован какими-то жуткими людьми, они расстреляли наш вертолет, и... и чуть нас всех не убили, не говоря о худшем! – Лиза попыталась изобразить глазами ужас, но не знала, насколько убедительно это у нее получилось. – Впрочем, нам удалось спастись от них бегством. Однако во время бегства... Вы же понимаете, профессор, на этой местности легко потеряться. В общем, я оторвалась от остальных и уже не смогла никого найти: ни друзей, ни врагов... И вот я здесь.

– Куда же вы идете? – спросил явно заинтригованный ее рассказом профессор Паганель и передал Лизе трубку.

– Ночью, перед атакой, – объяснила Лиза, прикуривая от предложенной ей спички, – мы, я имею в виду себя и моих спутников... Так вот, мы говорили о том, что случится, если мы вдруг потеряемся. Фантазии, – горько усмехнулась она, – и ничего более! Но видите, как все повернулось?

– Тогда мы и условились, – пыхнула Лиза трубкой после драматической паузы, – что, если такое случится, мы встретимся на северном берегу озера Косогу. Тогда мне это показалось забавным, теперь уже так не кажется!

Она понимала, разумеется, что ее история звучит не слишком убедительно, но какой у нее был выход? Она в любом случае не могла придумать ничего путного. Слишком устала. Слишком сильно болела у нее голова. Слишком медленными и невнятными были ее мысли...

* * *

– Вы, Лиза, невероятно везучая женщина, – сказал ей профессор Паганель тем же вечером. – Я таких не встречал. Мужественная, умелая и удачливая!

Профессор оказался не только умен и хорош собой. Он являл собой практический эталон джентльмена в лучшем смысле этого слова, то есть не того, какими были на самом деле эти широко разрекламированные английские господа, а того, какими их воображали себе наивные и пылкие обыватели в далеких от Великобритании городах и весях. Он не мог «покинуть женщину в беде», а потому, выслушав «подлинную» историю Лизы, оставил ее без комментариев, однако решил проводить «несчастную жертву кораблекрушения» до озера Косогу. Ну и, кроме того, как заметил профессор Паганель, его помощь могла понадобиться и другим «выжившим в кораблекрушении путешественникам». Однако, если менять маршрут и идти к Косогу, сначала имело смысл двинуть на восток. Там, объяснил профессор Лизе – примерно в дне пути, – на берегу реки Осоа находилась крупная деревня яруба, ну а сама река Осоа, как известно, впадает в озеро Косогу.

Разумеется, Лиза этого не знала, но поверила профессору на слово, тем более что вместо многодневного утомительного похода через джунгли он обещал просто сплавиться по реке, и не на самодельных плотках, прости господи, а на нормальных пирогах. Однако отправляться в путь тем же днем оказалось уже поздно, и Джейкоб Паганель приказал разбить лагерь. Вот в этом лагере, вечером, у костра профессор и сделал Лизе свой сомнительный комплимент с двойным дном.

– Вы, Лиза, невероятно везучая женщина, – сказал он, попыхивая трубкой. – Я таких не встречал. Мужественная, умелая и удачливая!

– Это комплимент? – спросила Лиза, дожидаясь своей очереди затянуться.

– Не думаю, – на полном серьезе ответил Паганель и передал ей трубку.

В курении одной трубки на двоих – если речь идет о мужчине и женщине, – как и в распитии вина из горлышка, содержится некий элемент близости. Слишком интимно, имея в виду, что «из губ в губы». Слишком похоже на поцелуй. Однако Лиза не роптала: с Джейкобом можно было бы и поцеловаться. «Уж точно не стошнит!» – а то и чего еще, но про это «еще» Лиза себе даже думать запретила.

«Не время и не место!»

– Мы сейчас на плато Кондор, – объяснял между тем свою мысль профессор Паганель. – Соответственно, когда мы встретились сегодня днем, вы, Лиза, поднимались на Белую стену. Но от излучины Мосезе до Белой стены не менее ста миль по прямой. Как долго вы шли?

– Семь дней, – Лиза затянулась еще раз и передала трубку собеседнику.

– На пути вам пришлось переправляться через южный приток Мосезе, – понимающе кивнул профессор.

– Пришлось, если, конечно, это был он, – подтвердила его догадку Лиза и с ужасом вспомнила свою робинзонаду!

О да, все началось с переправы, и это было нечто! Спасибо еще, покойник Тюрдеев – чтоб ему ни дна, ни крыши! – позаботился, скотина! Разумеется, он думал о себе, любимом, но всех превратностей судьбы учесть не смог. Когда он умер, Лиза взяла у него все, что могло пригодиться в ее одиноком странствии. «Остальное» спихнула в реку, предполагая, что крокодилы своего не упустят. После этого она уже было совсем собралась выступить, но тут ее посетила мысль, что спешить не надо. Лиза своей интуиции научилась доверять, а потому отправилась осматривать окрестности. Искать она умела, систематичности ей, правда, обычно не хватало, но не в этот раз. Шла от берега до берега, по дуге, все время понемногу расширяя круг поисков.

В конце концов, ее упорство было вознаграждено: она нашла рюкзак Тюрдеева. Похоже, этот двуличный тип заранее готовился к необходимости внезапного бегства с корабля. Во всяком случае, рюкзачок был собран на славу и явно не в последний момент. Просто идеальный комплект выживальщика, включая топорик, моток льняного крученого троса и сухой спирт. Покойный лекар даже котелок и пару стальных шампуров предусмотрел, не говоря уже об аптечке. Где Тюрдеев скрывал все эти богатства, пока не наступил день «Д», один бог ведает. На самом деле, бриг – большой корабль, и на нем должно быть много потайных мест. Умелый человек всегда найдет, где спрятать рюкзак, подготовленный на черный день. Другое дело, что эту лекарскую нычку никто и не искал. Кому такое в голову придет? А вот вопрос, как доктор Тюрдеев пронес этот рюкзак на «фоккер», имел, похоже, всего одно решение: лекар посетил ангар еще до того, как отправился «спасать» дам, и сам выбрал «фоккер», на котором предполагал покинуть борт «Звезды Севера». Не предусмотрел он только того, что Лиза с ними не полетит, хотя, судя по его намекам и недоговоркам, нужна ему была одна только Лиза. Зачем – совсем другой вопрос, и ответ на него Тюрдеев, к сожалению, унес с собой на дно Мосезе. Похоже, он предполагал, что Лиза укажет ему путь к сокровищам, вернее, к одному конкретному предмету. Ему нужен был афаэр, и это все, что Лиза знала об этом скверном деле теперь. А тогда она ничего еще не знала и не полетела с остальными, так как решила прикрыть их бегство.

Не полетела и в результате оказалась один на один с прекрасной и ужасной страной. Не тайга, одним словом, и даже не приполярный Урал. И переправа через приток Мосезе являлась живой иллюстрацией известного себерского тезиса – «здесь вам не там!» Ну, что это за река, в самом деле, если пить из нее нельзя, а погружаться в медленную мутную воду цвета кофе с молоком – много кофе и очень мало молока – и вовсе опасно. Вброд не перейти, поскольку нет того брода, да если и есть, то где он, где? Возможно, однако, что Лиза сгущала краски, и проблема африканских рек не стояла настолько серьезно, как ей это представлялось. Просто Лиза не знала Африку – вернее, знала недостаточно, – а ночные ужасы тем и любопытны,

что когда вокруг темно, в голову ничего хорошего не приходит. Поэтому Лиза лезть в воду побоялась. Пришлось метать веревку с импровизированным якорем из топора. С пятой или шестой попытки удалось зацепиться за дерево. Ну, а дальше все, как в инструкции: двойной трос, саморазвязывающийся узел, то да се. Однако переправа – с подготовкой, исполнением и отходняком – отняла целый день и сожгла тонну нервов.

– А за рекой вы вступили в полосу джунглей... – пыхнул трубкой Паганель.

– Вы знаете карту, а я нет... – пожала плечами Лиза.

Ну, что сказать? Тайга по сравнению с джунглями – детская игровая площадка, во всяком случае летом.

– Хотите выпить? – неожиданно спросил Паганель. Наверное, он что-то такое увидел в выражении лица Лизы. Что-то понятное ему, известное по себе и по другим.

– А у вас есть? – Лиза и в самом деле не отказалась бы сейчас от глотка *aqua vitae*.

– Если бы не было, стал бы я вам предлагать? Значит, да?

– Да.

– Держите! – профессор достал из рюкзака флягу и передал ее Лизе. – Только аккуратно! Это местный самогон чанга. Крепкий и ужасный на вкус...

«Да уж! Крепкий и ужасный! Великолепное определение Африки! И я ею сыта по горло!»

Лиза думала, что все самое страшное случилось с ней в пустыне, но она заблуждалась: джунгли превзошли все ее ожидания! Только войдя в их зеленый сумрак, почувствовав, как шевелится под ногами невероятно толстый слой листьев и цветов – свежих, мертвых, разлагающихся, начинающих гнить. Вдохнув воздух, насыщенный влагой и странными, слишком сильными, терпкими, тошнотворно приторными ароматами. Услышав многоголосье жизни: чавканье, чириканье, шорохи, попискивания и потрескивания. Увидев насекомых, в огромных количествах копошащихся везде – под ногами, на воздушных корнях деревьев, на живых и мертвых стволах, – только прочувствовав все это, Лиза поняла значение выражения «зеленый ад».

«Ад и есть!»

В джунглях нельзя было спать, невозможно развести огонь, сориентироваться без компаса или найти чистую воду. При диком разнообразии жизни здесь нечего было есть, в особенности тому, кто, как Лиза, не знал ни местных растений, ни автохтонных животных. Так что, не будь у нее запасов Тюрдеева – галет, витаминных таблеток, кофеина и глюкозы, – сгинула бы там без следа и памяти. Но она выжила...

– ...Пройти в одиночку сто миль по горам и джунглям... Не обижайтесь, Лиза, но это не по силам даже абсолютному большинству мужчин.

– За что же мне обижаться? – вполне искренно удивилась Лиза, хотя и поняла уже, куда клонит ее новый знакомый. – Это вы мне, Джейкоб, комплимент сделали, или нет?

– Сделал.

– Ну вот! – воскликнула Лиза и во второй раз приложила к фляжке. – Ух!

– Значит, – тихо сказал профессор Паганель, глядя Лизе прямо в глаза, – ваша правда, Лиза, такова, что рассказать ее незнакомому франку никак нельзя?

«Не дурак! Впрочем, профессор... Везет мне, блин, на профессоров!»

– Не сгущайте краски, сэр! – улыбнулась Лиза. – Все не так плохо, как кажется!

– Кажется... – кивнул Паганель. – Возможно, вы правы, Лиза. Но вот что вам следует знать. Две недели назад, когда мы покинули Томбут, по телеграфу для сведения колониальных властей передали ориентировку на легкий крейсер «Звезда Севера», идущий под флагом Техасской республики и занятый нелегальным – в смысле без лицензии – поиском сокровищ. В сообщении высказывалось также осторожное предположение о браконьерстве и чуть ли не пиратстве, со всеми вытекающими из этого рекомендациями для английских и франкских колониальных властей. Я, как вы, возможно, уже поняли, не военный и не колониальный

чиновник, принимать ориентировки к исполнению не обязан. Но вам, я думаю, об этом стоит знать.

– Спасибо!

– Не за что.

– Да нет, есть за что! Вы ведь не сейчас об этом подумали?

– Нет.

– И значит? – спросила Лиза, не разрывая зрительного контакта.

– Я свои обещания выполняю. Провожу вас до озера Косогу, слово джентльмена!

Второй раз за очень короткое время она попала в ситуацию, когда ложь не помогала, а мешала. Федор и Джейкоб. Два разных, но одинаково сильных и умных мужчины, и она под их взыскующим взглядом. Решение следовало принять сразу, но Лизе было не привыкать. Она истребитель, и еще она доверяла своей интуиции. Профессор Паганель казался ей порядочным человеком, только и всего.

– Что ж, – кивнула Лиза, – я верю вашему слову, Джейкоб, а потому вот вам та часть правды, которую я могу открыть постороннему человеку, не рискуя подвести других людей. Меня действительно зовут Елизавета, и я на самом деле из Себерии. Фамилия у меня другая, но ее не стоит произносить вслух. Во всяком случае, пока. «Звезда Севера» – частный борт, но мы не совершили ничего противоправного. Мы всего лишь обычные искатели сокровищ, что разрешено Женевской хартией и не предусматривает необходимости получения специальной лицензии, если речь идет о территориях, не имеющих государственного статуса. То есть на необитаемых или не отмеченных на картах землях, в колониях, протекторатах и на подконтрольных территориях. Другое дело, Джейкоб, что кое-кто у вас на родине хотел бы присвоить то, что мы нашли, используя в свою пользу право сильного. У нас в Себерии по такому поводу говорят, «закон, что дышло, куда повернул, так и вышло!» Вот, собственно, суть той правды, о которой вы спросили. Что скажете, профессор?

– Я не офицер и не чиновник, – усмехнулся Паганель. – И я вам верю. Расскажите остальное как-нибудь после, если захотите и сочтете возможным...

«Хотеть не значит мочь! – с грустью подумала Лиза. – Но какой тонкий намек! Bravo! Я подумую, профессор! Я обещаю подумать!»

* * *

Ночь, звездное небо, потрескивание веток в костре. Надо бы спать, но сон не идет.

«От излучины Мосезе до Белой стены сто миль по прямой...»

Справедливое замечание, потому что по прямой идти не удавалось, да Лиза и не знала, куда идет. Лишь представляла себе в самых общих чертах карту и шла на юг, чтобы когда-нибудь добраться до северного берега озера Косогу. Даже если там ее никто не ждет, – а она надеялась на обратное, – вокруг озера полно деревень яруба. Есть, кажется, даже город, и значит, вероятность выживания поднимается в разы. Идти на юг – таковы были ее планы.

Лиза сказала Паганелю, что шла семь дней. По ее прикидкам так и должно было случиться, даже учитывая неизбежные отклонения от прямой. Переправиться через приток Мосезе удалось не сразу и совсем не в том месте, куда вышла Лиза. Подходящие деревья на противоположном берегу реки нашлись только километрах в пяти-шести ниже по течению. То же самое в джунглях. Тропический лес пересекало множество тропинок. Лиза решила, что это звериные тропы, но ни одна из этих троп не вела в нужном направлении. Да если даже и вела, не факт, что по ней можно было пройти. В середине первого дня пути – возможно, это был полдень, но точно сказать было трудно – дорогу преградило упавшее дерево. Оно было таким же исполинским, как и все остальные деревья в лесу, и перебраться через него, через колоссальный, оплетенный лианами скользкий ствол и сквозь дикую путаницу ветвей нечего было

и думать. Пришлось обходить. Тогда Лиза поняла еще одну вещь. Ощущение, что она идет по дну глубокого ущелья, не случайно. Плотнo стоящие шестидесятиметровые – или того выше – деревья не позволяли увидеть небо. Отдельные голубые пятна на огромной высоте, и это всё. О солнце не могло быть и речи. Лишь зеленый сумрак, как на дне реки, среди колышущихся высоких водорослей.

Семь дней... На самом деле девять, но про дополнительные два дня пути Лиза никому рассказать не могла. Во всяком случае, пока и не всякому, но по-любому некоторые события ее отчаянного африканского марша не могли быть озвучены нигде и никогда.

Первое из них произошло к исходу второго дня пути через джунгли. Лиза была невероятно измучена. Устала, вымоталась, бредила от бессонницы. Кожу саднило, во рту сухость и кислый привкус рвоты, ноги дрожат и сознание, скорее мерцающее, чем ясное. Было очевидно, если она не выйдет из джунглей сегодня, выходить вскоре будет уже некому. Вот эта мысль – единственная на тот момент здравая мысль – засела в голове, как заноза, и вела Лизу вперед, несмотря на полное истощение физических и моральных сил.

И вдруг сознание прояснилось. Лиза не сразу поняла, что причиной этому афаэр, но не связать одно с другим было невозможно. Она словно бы внезапно очнулась от сна, и ясно увидела ту отчаянную ситуацию, в которой оказалась, а в следующее мгновение поняла, что афаэр на ее груди ожил. Отяжелел, нагрелся и завибрировал. Правду сказать, Лиза ожидала, что ее снова выбросит в какой-нибудь из знакомых или незнакомых миров, но случилось другое. Она сделала шаг, почва под ее ногами колыхнулась и спружинила, как и следует быть. Еще шаг и еще один, и вдруг подковки ботинок клацнули о камень.

«Что за хрень!»

Переход оказался внезапным и нечувствительным. Лиза не заметила, когда и как это случилось, но вот она идет по джунглям, а в следующее мгновение уже стоит на вершине скалистого холма.

День еще не закончился, и света хватило, чтобы увидеть джунгли, простирающиеся на юг до самого горизонта. Впрочем, обернувшись, Лиза увидела точно такую же картину. Безбрежный океан зелени. Отсюда, с высоты – все-таки это был не холм, а скорее, невысокая гора – джунгли казались зеленым покрывалом, но Лиза не обольщалась. Она уже побывала внизу, у самых корней исполинских деревьев. На дне этого океана мир выглядел совсем иначе.

Лиза не знала, как далеко отправил ее афаэр. Возможно, это и вовсе иной мир, или пункт, расположенный в сотнях километров от ее прежнего местонахождения. В любом случае афаэр снова исполнил ее желание. Однако вот что странно: Лиза не могла им управлять. Не было у нее над ним власти. Ведь не переправил же афаэр ее через реки, хотя, как выясняется, мог. Он творил свою магию почти случайным образом. Вернее, иногда он отвечал на призыв Лизы помочь. И, похоже, это должна была быть по-настоящему страстная просьба. Хотя, возможно, и что-нибудь другое. А по поводу того, куда направил ее афаэр на этот раз, все стало понятно как-то само собой. Пока обдумывала случившееся, вдруг поняла, что находится в одном дневном переходе к юго-западу.

До наступления ночи времени оставалось совсем мало. Лиза спустилась с вершины на южный склон и метрах в десяти ниже нашла небольшую каменную площадку, где можно было расположиться на ночлег. Сбросила с плеч рюкзак, вооружилась топором и, спустившись еще ниже, туда, где росли густые колючие кусты и редкие зонтичные деревья, споро – несмотря даже на смертельную усталость – нарубила «дров». Костер, конечно, будет дымить, но оно и к лучшему – прогонит мошкар.

Воды было мало. Буквально несколько глотков, и Лиза решила оставить ее на утро. Холодной ночью – а ночь на горе наверняка должна была быть как минимум прохладной – жажду вытерпеть легче. Но так только казалось. Есть она не хотела, и это не странно. Сухая глотка горела огнем. Во рту было, как в пустыне. Не было даже слюны. Жесткий как наждак

язык тер по такому же иссохшему нёбу. В конце концов, Лиза поддалась слабости и выпила воду. Выпила, смакуя каждый глоток – удерживая ее во рту как можно дольше, и медленно проливая в горло, – завернулась в свой шелковый саван и, пригревшись у костра, провалилась в сон.

Утром встала с ломотой во всем теле и затекшей шеей, но живая, что само по себе совсем неплохо. Костер догорел, но уже наступил рассвет, и солнце вскоре прогреет воздух. Лиза осмотрелась. Первое впечатление о местности, возникшее у нее накануне, оказалось неверным. Если приглядеться, на горизонте – в его правой части – можно было увидеть голубые тени гор. Она достала бинокль. Все точно – горы. На юго-западе и на юго-востоке, а вот прямо на юге словно бы провал. Это могла быть долина – черт ее знает, как она там называется, – по которой проходит русло реки Осоа, а уж река напрямик выводит к побережью озера Косогу.

Однако между Лизой и рекой лежали многие километры джунглей. Впрочем, если идти не прямо на юг, а отклониться к западу, пейзаж становился куда более многообещающим. В двух-трех километрах к западу от горы, на которой находилась сейчас Лиза, и немного южнее, из зелени джунглей торчала скала, вполне пригодная – на взгляд Лизы, для дневного отдыха. Следующий холм находился еще километрах в пяти на юг и несколько меньше на запад. Холмы – иногда просто скалы, а кое-где и небольшие горы, – тянулись неровной цепочкой на юго-запад. Они уводили Лизу с прямого пути на юг, но обещали сухие ночлеги и нормальный дневной отдых. В конце концов, скорректировать курс можно и позже, двигаясь на восток у подножия горного хребта.

Очень хотелось пить, но на данный момент это было не смертельно, а все бесчисленные километры до озера Косогу вместо Лизы никто не пройдет. Поэтому разумным компромиссом было выйти в путь немедленно, найти воду по дороге и к полудню добраться до второго в очереди холма, пройдя к нему напрямик. Там можно будет вскипятить воду, попить, поесть и отдохнуть. В худшем случае заночевать. Так, в принципе, все и вышло. С одной лишь, но весьма существенной поправкой. Воду Лиза нашла не сразу, но все-таки нашла. Следуя за инстинктом, она спустилась в попавшийся на маршруте овраг, прошла по нему до следующего, который был больше и лежал ниже предыдущего, и там нашла ручей. Вода была прозрачная и «пахла» удивительно, но пить прямо из ручья не стоило. Где-нибудь выше по течению в нем вполне может лежать падаль. Тем не менее это была вода, и Лиза набрала ее во все емкости, какие нашлись, – в бутылку из-под виски и в две фляги Тюрдеева, литровую в рюкзаке и семисотграммовую на поясе, – и пошла дальше. Однако дорога оказалась сложнее, чем она предполагала, и к цели путешествия Лиза вышла не в полдень, а ближе к вечеру.

Поднявшись до более или менее подходящего места – что-то вроде крошечного ущелья с сухой землей, – Лиза уже едва стояла на ногах, но выбирать было не из чего: упасть и лежать она себе позволить не могла. Посидела на обломке скалы, сняла со спины рюкзак и пошла. Срубила деревце, порубила на дрова, разожгла костер, соорудила из камней подставку и, водрузив на эту импровизированную плиту котелок с водой, села, наконец, на землю, привалилась спиной к камню и закрыла глаза. Всё – «завод кончился», не было у нее больше сил.

Ее разбудил легкий бриз. Уже стемнело, но, по-видимому, времени прошло немного – костер еще не прогорел. Лиза сняла с огня котелок, перелила кипяток в крышку от водяного бака и поставила на огонь новую порцию воды. В крышку, служившую ей верой и правдой уже который день подряд, Лиза всыпала щепотку чая из запасов Тюрдеева, и, пока он заваривался, решала проблему с ужином. В конце концов, решено было влить в чай ампулу глюкозы и добавить к нему две галеты. Пока копалась в рюкзаке в поисках глюкозы, вспомнила вдруг, что воду в тропическом дождевом лесу можно добывать из лиан.

«Вот же я дура беспамятная! Вот же, господи прости, тупица!»

Оказывается, все эти дни у нее была возможность пить чистую прохладную воду, которую даже не надо кипятить. А она шла, умирая от жажды, и о лианах даже не вспомнила. То ли

крыша поехала, то ли действительно проблемы с памятью. Но, скорее всего, и то, и другое. И усталость, разумеется.

«А, может быть, я не только становлюсь Елизаветой Браге, но и перестаю быть Лизой Берг?»

Сейчас она вспомнила, что на курсах переподготовки инструкторов ГРУ и ВДВ готовили к выживанию не только в тайге, но и в пустыне и джунглях. Но от тех знаний, как ни странно, почти ничего не осталось. А ведь учили – это как раз она помнила – и еду находить учили, и тем более воду.

«Я действительно становлюсь кем-то другим? Или это цена за способность летать?»

Лиза напилась чая, оставив еще порцию на утро, поела – пусть и не досыта – и, в принципе, первый раз за много дней нормально выпалась. Утром встала свежая, но голодная и злая. Однако на то, чтобы охотиться, времени не было, и в свой поход к следующему холму Лиза вышла натошак.

Шла шесть часов, ориентируясь исключительно по компасу. Солнца не видела. Над головой вздымались ввысь кроны огромных деревьев, висели толстые плети лиан. Воздух был тяжелый, влажный, густой. Дышать им было трудно. Вокруг порхало множество бабочек, больших, как птицы, и мелких, словно моль. Спускались на нижний уровень и птицы, но все они были слишком быстрыми и мелкими, чтобы пытаться в них стрелять из одиннадцатимиллиметрового револьвера. Но зато Лиза напилась воды из перерубленной топором лианы и, морщась от отвращения, набрала в брезентовую сумку из-под аптечки довольно много древесных червей, которых предполагала зажарить на вечернем биваке.

Добравшись до холма и поднявшись по его склону выше уровня деревьев, Лиза увидела солнце в зените, пологую скалу на севере, мимо которой в это утро она прошла не сворачивая, и следующий холм на юге, до которого на глаз было километров семь-восемь.

«Сколько же я прохожу за день?»

Получалось, что и вчера и сегодня она проходила не такие уж большие расстояния.

«Ползу, как черепаха!» – но продвигаться быстрее она не могла. Не получалось, да и сил не было.

Лиза немного отдохнула, попила воды, съела галету и пошла дальше.

И так день за днем – от скалы до скалы – три дня подряд. И всей разницы, что вместо галет, Лиза ела теперь дикий инжир – нашла одно за другим целых два дерева – и мясо какого-то довольно крупного животного, уложенного наповал выстрелом из «горбатова». То ли лошадь, то ли зебра, но, на взгляд, ни то, ни другое³. Еще были змеи, крупные пауки и древесные черви. Не слишком вкусно и не так, чтобы много, но и не голод.

И вот прошло три дня, и с очередной вершины Лиза увидела, что до предгорий остался день – максимум два дня – пути, и это, как говорят в Себерии, «внушало» и «обнадеживало».

Следующей «станцией» на ее пути к горному кряжу на юге стал холм, едва выглядывающий из-под зеленого покрывала джунглей. На нем Лиза решила заночевать, но оказалось, что воплотить эти планы в жизнь совсем непросто. Добиралась до холма долго и трудно – овраги какие-то, упавшие деревья, в общем, жуть, – так что, когда все-таки дошла, сил хватило лишь на то, чтобы залезть по ступенчатым скалам наверх, развести костер на узкой террасе и всё, собственно. Напилась, доела остатки печеного мяса зебро-лошади и заснула. Буквально провалилась в сон, чтобы проснуться с первыми лучами солнца.

Проснувшись, открыла глаза и сразу же увидела на покрытой охряно-желтым лишайником скале, под которой устроила бивак, силуэты людей. Охотники, кажется... и... Пожалуй, это был лев. Лиза увиденному не удивилась – во сне и не такое бывает! Однако уже через несколько секунд поняла, что это не сон. Прошлым вечером она была так измучена, что ничего

³ По-видимому, Лиза подстрелила лесного жирафа.

вокруг не замечала, как не заметила и того, что разжигает костер у основания огромного барельефа. Несмотря на покрывавший их лишайник, фигуры охотников с копьями и изготовившегося к прыжку огромного зверя были отчетливо видны в лучах восходящего солнца. Свет и тени создавали замечательный контрастный рисунок.

Лиза встала, подошла к рельефу, тронула пальцами.

«Не может быть!»

Она достала нож и начала счищать лезвием покров лишайника. Обнажился камень. Красный гранит, какого Лиза на своем пути еще не встречала, и очертания фигур, явно вырубленные в камне человеческой рукой.

«Ничего себе!»

Лиза осмотрела террасу, на которой провела ночь. Площадка метров восемь длины и глубиной в два – два с половиной метра. Вертикальная стена с барельефом – чуть выше Лизы, и точно такая же идет вниз, образуя огромную ступень. Внизу терраса шире, и ниже можно рассмотреть еще три ступени, уводящие в глубину, под колыхнувшееся зеленое покрывало джунглей.

«Как же я сюда забралась?» – Впрочем, вопрос можно было не задавать, все и так было ясно.

По краям террасы находились заросшие мхом и лишайником ступени меньшей высоты. Они тоже не подходили под обычный шаг, но все-таки позволяли взбираться вверх и спускаться вниз.

Беглый осмотр местности расставил все точки над «i». Лиза ночевала не на холме, как думала вечером, а на рукотворной террасе, опоясывавшей вершину четырехугольной ступенчатой пирамиды, по краям граней которой были устроены четыре лестницы. Что-то вроде индейских пирамид в Мексике – Лиза видела их фотографии, – только там, кажется, лестницы были расположены на самих гранях. Но, возможно, она ошибалась, и эта пирамида напоминала ту, которую построили в древнем Вавилоне. Ну, не сильна была Лиза в этих материях. Не историк, одним словом. Не интеллектуал.

Она прошла вдоль периметра, пытаясь понять, что изображено на других барельефах, но кроме того, что очертания выступающих фигур напоминают людей и животных, ничего толком не разобрала. Почти все поверхности пирамиды покрывали зеленоватые и бурые мхи и лишайники охряно-желтого цвета. И всю ее оплетали вьющиеся растения. Тем не менее Лиза твердо знала, куда ей идти. Это не было похоже на зов, который она слышала в пустыне. Напротив, Лиза чувствовала, что идти ей необязательно, но если захочет, то это ее право. Вот какое сложное это было ощущение, и афаэр почти не подавал признаков жизни, только чуть похолодел, и все.

Лиза спустилась по лестнице на три террасы вниз и с западной стороны пирамиды обнаружила узкую и низкую дверь, ведущую во мрак. Она уверенно отвела в сторону особенно густой занавес, сотканный из множества зеленых выюнков, и увидела вход, из которого повеяло прохладой, но отнюдь не затхлостью. Постояла перед темным зевом, подышала прохладой, раздумывая о том, разумно ли в одиночку лезть внутрь пирамиды. Рассказы об исследованиях египетских пирамид оптимизма не прибавляли, но интуиция подсказывала, что Лизе можно. Можно спуститься и посмотреть, и ничего с ней там не случится. Такое вот мнение, ну а еще – ей было интересно конечно же! Одну сокровищницу она уже видела, стоит взглянуть и на вторую.

«С чего это я взяла, что это сокровищница? Скорее, храм или могила».

Однако мысль не уходила. Что-то тут было связано с сокровищами, а что именно, ей предстояло узнать. Однако если все-таки идти вниз, к походу в недра пирамиды следовало сначала подготовиться.

«Объявляю дневку!» – решила Лиза и первым делом пошла охотиться и искать воду.

Воду она нашла быстро, «выдоив» ее из толстых лиан. С мясом, однако, возникли проблемы. Стрелять обезьян не хотелось, хотя Лиза и знала, что в некоторых странах – в той же Африке, к слову – их используют в еду. Но то – они, а у Лизы принципы, и поскольку от голода она пока не умирает, есть обезьянье мясо она не будет.

«Каннибализмом пахнет, разве нет?»

Поиски затягивались, но кроме мелких птичек, «мартышек» и огромного количества разнообразных насекомых, Лиза никого не находила. В конце концов, довольно рискованно поохотилась с топором на змей. Двух уложила. Вполне должно было хватить на поздний завтрак и ранний ужин. Ну, и чтобы два раза не ходить, нашла дерево, остро пахнущее чем-то вроде ацетона, и сняла с него несколько комков смолы. Наломала подходящих веток, содрала несколько кусков коры и вернулась на пирамиду. Там некоторое время занималась разведением костра и приготовлением обеда, и только после этого взялась за изготовление факелов. Наука невеликая: расщепить один конец зеленой ветки и вставить в зажим фитиль – полоску парашютного шелка, смоченного древесной смолой, растопленной на камне у огня. Лиза не знала особенностей горения местных материалов, а потому исходила из худшего: три-четыре минуты. Соответственно даже для краткой экспедиции ей нужны были как минимум десять факелов. Впрочем, Лиза придумала еще два способа не потеряться в лабиринте, если, конечно, это именно лабиринт. Пройдя в глубину коридора несколько метров, она оказалась на площадке, от которой начиналась весьма необычная лестница. Ступени – на самом деле, обыкновенные каменные бруски – выступали из стены колодца, уводящего во тьму.

Вот на этой площадке Лиза и развела костер, который должен был гореть достаточно долго, чтобы служить ориентиром на обратном пути. Ну, а еще у нее была веревка, один конец которой Лиза закрепила среди камней.

«Ну, помолясь!» – сказала она себе и осторожно пошла по ступеням.

Факел горел вполне сносно, труднее оказалось зажигать от прогоревшего новый. Приходилось стоять на одной ступени, балансируя и стараясь не делать резких движений. Но тутгодились отличный вестибулярный аппарат авиатора и натренированность мышц.

Спуск занял гораздо меньше времени, чем можно было предположить. Три факела – на все про все, но, по-видимому, строители пирамиды ставили перед собой вполне конкретные цели. Никакой метафизики и прочей бесовщины. Колодец и лестница, заканчивающаяся в просторном зале, у одной из стен которого стояла статуя в человеческий рост. Вернее, так: статуя стояла на плоском постаменте в полметра высотой и оттого казалась больше и выше. Лиза осветила фигуру факелом и ничуть не удивилась, обнаружив, что та отлита из серебра. Тонкая работа, вполне узнаваемый образ. Скорее всего, это была царская усыпальница, но почему яруба – а это, скорее всего, были именно они – похоронили своего царя не в обычном для их культуры здании-склепе, а в нехарактерной для них пирамиде, Лиза даже гадать не пробовала. Приняла как факт.

Никаких других изображений в усыпальнице не было, как не было и проходов в другие помещения. Возможно, их попросту искусно спрятали в стенах или полу, но Лизе показалось, что никаких тайных ходов попросту нет. Пустое помещение с памятником древнему царю, и ничего более. А все те статуи и горшки с украшениями, что стояли вдоль стен, этому месту – неродные. Усыпальницу просто использовали, как хранилище ценностей. Сокровище это было много меньше того, что обнаружила Лиза в пустыне, но золота, серебра и необработанных драгоценных камней здесь было много. Очень много.

Был соблазн – взять немного с собой, но Лиза от этого опрометчивого поступка воздержалась. Нести с собой след сокровищницы яруба было бы полным безумием. Поэтому Лиза и не стала здесь задерживаться. Поднялась вверх. Прикрыла вход все тем же пологом из вьющихся растений и назавтра продолжила свой квест. Она направлялась к горам.

Глава 2

Кхонга

Июль, 1931

Два дня они двигались вниз по реке. Пирогы шли одна за другой, растянувшись темным пунктиром, едва заметным на кофейного цвета воде. С двух сторон по берегам реки стеной вставал тропический лес. Временами казалось, что отряд движется по дну глубокого каньона. Небо виднелось где-то высоко над людьми, а солнце заглядывало в полумрак «ущелья» всего на несколько десятков минут в день. Тогда река начинала сверкать, отражая солнечный свет.

Ночь провели на берегу под сенью деревьев. Лиза уже пережила один тропический ливень во время своего одинокого путешествия, но эта гроза оказалась и вовсе inferнальной. Небо расколола чудовищная молния, на мгновение сделавшая все вокруг ослепительно-белым, а затем пришел гром. Он обрушился на путешественников с такой невероятной силой, что все невольно втянули головы в плечи. Вздрыгнул и лес. Деревья загудели, шум листвы был похож на звук лавины, медленно стекающей со склона горы, но не успевшей еще набрать скорость. Не обвал, а грозный шорох, от которого встают дыбом волосы.

Еще одна молния, и еще. А потом на людей упал дождь. Не было капель, не было струй, вода свободно лилась с неба, как если бы Лиза встала под водопад. Огромное количество воды. Так много, что в этом ужасе трудно было дышать. Ливень ломал ветви деревьев и лианы, сбивал вниз листья и цветы.

«Царица небесная!»

Что-то яркое сверкнуло неподалеку, и Лиза увидела сквозь потоки воды белые и фиолетовые шары, плавно перемещавшиеся среди черных штрихов лиан. Потом последовал чудовищный взрыв, лес заревел, внезапный шквал бросил на людей обломки веток и невнятный, неразличимый мусор джунглей. В свете молний замечались тысячи летучих мышей. Вокруг стоял рев и вой, и голоса животных были неотличимы от голосов деревьев.

Все кончилось так же быстро, как началось. Вода больше не падала с небес, не гремел гром, утих даже ветер, и наступила тишина. Слышалось лишь журчание стекавших в реку ручьев и звуки капли – это остатки воды просачивались с верхних ярусов джунглей на нижние, чтобы, в конце концов, упасть на землю.

– Это было... сильно! – Лиза ни к кому конкретно не обращалась, но ответил ей профессор Паганель.

– Слава богу, все живы и невредимы, – сказал он, стирая воду с лица. – В такую грозу рушатся даже самые большие деревья.

И словно в подтверждение его слов где-то поблизости раздался чудовищный треск, и в реку обрушился один из тех исполинов, что формируют облик тропического леса. Река едва не выплеснулась из берегов, тучи брызг полетели в людей, но вскоре завершился и этот инцидент. А на следующий день, ближе к вечеру, пироги вошли в спокойные воды озера Косогу.

– Мы на северном берегу, – Джейкоб смотрел на Лизу, ожидая продолжения, но она молчала. – Я к тому, Лиза, что северное побережье озера – это его длинная сторона. Двадцать километров неровного берега. Где будете искать своих спутников?

– У вас есть карта? – Лизе не особенно нравилась идея знакомить Паганеля с Варзой и Рейчел, однако и отвязаться от профессора она не могла. Оставалось надеяться, что он хороший человек. Ну, а если нет, то решать проблемы Лиза предпочитала по мере их поступления.

– Разумеется, – Джейкоб открыл свою полевую сумку, весьма похожую на обыкновенную офицерскую планшетку, и достал карту. – Держите, капитан!

Лиза взяла карту, развернула, разыскивая место, указанное Райтом, и только тогда сообщила, как именно назвал ее профессор Паганель.

«Капитан!»

– Вы не оговорились, Джейкоб, не правда ли? – подняла она на него взгляд.

– С чего бы? – слегка пожал плечами Паганель.

– То есть вы все это время знали, что я?..

«Кто?»

– Знал, – подтвердил Паганель и слегка улыбнулся. – Не буду вас интриговать, Лиза, это не плод моей выдающейся наблюдательности и дедуктивного метода, который развивает один мой лондонский знакомый. Он частный детектив, знаете ли, ему и карты в руки, а я вас просто узнал.

– Узнали? – Звучало более чем странно. – Разве мы раньше встречались?

– К сожалению, нет, – покачал головой Паганель. – Но, видите ли, Лиза, моя мама держит в Эдинбурге модный дом. Собственно, его основала моя бабушка, поэтому салон назван ее именем – «Мэри Грант».

«Мэри Грант? Серьезно?! – как ни странно, но о романе Жюль Верна «Дети капитана Гранта» она вспомнила только сейчас и сразу же сообразила, откуда ей знакома фамилия Паганель. – Умереть не встать! Но если он внук Мэри Грант и носит фамилию Паганель, значит, Жак Паганель женился на дочери капитана Гранта, а не на сестре майора Мак-Ноббса! Ну, вообще!»

– Вас что-то смущает? – нахмурился профессор.

– Нет, нет! Все в порядке! – поспешила успокоить его Лиза. – Продолжайте, Джейкоб! Прошу вас!

– Однажды, когда я пришел к ней в гости, – продолжил свой рассказ Паганель, – моя мать оказалась занята примеркой нового платья герцогини Кембриджской. Пришлось ждать, и я от скуки начал просматривать модные журналы. В себерском «Фасон» я обратил внимание на фотографию манекенщицы, демонстрировавшей вечернее платье. У меня отличная зрительная память, Лиза. А память на лица еще лучше. Я сразу понял, что уже видел это лицо, хотя и при других обстоятельствах. Пришлось поискать в закромах своей памяти.

– Нашли? – Лиза помнила этот случай. Надежда уговорила выйти на подиум. Ей нужна была высокая и стройная манекенщица.

«Плоская вешалка, чего уж там!»

– Нашел, – кивнул Паганель. – Я читал в журнале «Тайм» статью о мужественной себерской женщине-авиаторе капитане Елизавете фон дер Браге. Это было то же лицо. Оставалось лишь прочесть имя манекенщицы.

– Читаете по-русски? – подняла бровь Лиза.

– Нет, что вы! Но разобрать имя манекенщицы, написанное латинскими буквами... Ведь вы не сестра-близнец пилота Браге?

– Нет, – вздохнула Лиза, смиряясь с неизбежным. – Я сама она и есть!

– Что ж, – улыбнулся ей Паганель, – рад знакомству, капитан! Теперь я хотя бы могу свести концы с концами. Капитан Браге действительно могла пройти сто миль по африканским джунглям.

– Не преувеличивайте мои способности, Джейкоб! Жить захочешь, не так извернёшься!

– Тем не менее не каждому дано. Поверьте, Лиза, я знаю, о чем говорю!

– Что теперь? – спросила Лиза после секундной паузы.

– А что теперь? – переспросил Паганель. – Неужели факт того, что вы себерский авиатор, что-то меняет в наших планах? Повторюсь. Я не военный, Лиза, и не чиновник. Мне все равно, в какие игры вы играете с моим правительством. И потом, я дал слово джентльмена! Итак, где точка встречи?

* * *

Разочарование оказалось сильнее, чем Лиза готова была признать. Однако факты были таковы: в точке сбора ее никто не ждал. И не только сейчас, но и раньше. Пустой берег. Несколько деревьев тут и там. Кустарник. Лес, начинающийся метрах в ста от обреза воды. Пока окончательно не стемнело, Лиза успела прочесать берег вдоль и поперек, но кроме следов диких животных ничего не нашла. Ни примет, ни знаков – совсем ничего. Означать это могло только одно. Подруги до места сбора не добрались. Райт и другие – тоже. Вполне возможно, из всего экипажа «Звезды Севера» она осталась единственной выжившей.

Стемнело, и искать дальше стало невозможно. Лиза подсела к костру Паганеля, машинально – занятая своими тяжелыми мыслями – приняла кружку, отхлебнула. Горячий кофе в джунглях и сам по себе немыслимое чудо, особенно для того, кто как Лиза уже много времени бывал чаще голоден, чем сыт, принимая за пищу все, что можно съесть. Впрочем, Лизе сейчас было не до чудес. Что-то она сделала не так. О чем-то не подумала, не смогла предусмотреть. И вот она жива, а они...

«Бог ведает!»

– Не расстраивайтесь! – попробовал утешить ее Джейкоб, протягивая Лизе свою флягу с самогоном. – Возможно, мы их просто опередили. Хотите трубку?

– Хочу! – кивнула Лиза.

– Нет, не думаю, – сказала она через мгновение. – Я не могла их обогнать! У них была фора по времени, и немалая!

– Непредвиденная задержка? – предположил Паганель.

«Смерть тоже веская причина...»

– Всем оставаться на местах! – приказал откуда-то из тьмы низкий мужской голос. – Оружия не трогать. Руки поднять!

Паганель вздрогнул. Лиза, признаться, тоже. Однако, когда мужчина приказал поднять руки, она не только успокоилась, она и почувствовала прилив настоящего счастья.

– Бейли! – окликнула она оружейника. – Это не враги. Это экспедиция Лондонского Географического общества.

– Вы уверены, кэп? – спросили из темноты.

– Вполне!

– Тогда мы выйдем, – решил Бейли, – но оружие, господа, лучше не трогайте! Пару стрелков я все-таки за собой оставлю!

Раздались тихие шаги, и вскоре к костру, около которого сидела Лиза, вышли Бейли, Монтанелли и еще пара людей из наземной команды.

– Рад найти вас живой, кэп! – следуя мгновенному порыву, Бейли шагнул к Лизе, обнял ее и, похоже, едва не прослезился. Во всяком случае, когда он ее, наконец, отпустил и, отступив назад, продолжил разговор, голос у него предательски подрагивал.

– Я не вижу здесь доктора, – сказал оружейник, оглядев вставших при его появлении людей. – Он вас не нашел?

Из этого вопроса с очевидностью следовало, что кто-то из дам сюда все-таки добрался. Возможно даже обе. Однако рассказывать о том, что произошло между нею и Тюрдеевым на берегу Мосезе, Лизе не хотелось. Начнешь говорить, возникнут вопросы. Одна ошибка потянет за собой другую, а там, глядишь, придется рассказывать и про афаэр. Однако о том, что этот таинственный артефакт существует, знают пока немногие. А о том, что он находится у Лизы, не знает вообще никто. Зачем же ей самой усложнять себе жизнь? Она – ее жизнь – и так уже усложнились до крайности.

– Нет, – покачала головой Лиза, – не нашел. Его нашла я.

Она вынула из кобуры и, показав оружейнику «горбатов» Тюрдеева, тяжело вздохнула, причем совершенно искренно. Ей до сих пор было горько и обидно вспоминать, чем закончились такие красивые, как ей казалось, отношения с доктором. Увы, он оказался тем еще говнюком, но и об этом упоминать не стоило.

– Доктор сорвался со скалы и свернул себе шею, – «объяснила» она после паузы. – Я наткнулась на него случайно. То есть не на него, разумеется, а на тело. Но он был уже давно мертв... Сам понимаешь, Бейли, зрелище не для слабонервных! Я сложила могилу из камней, но это животных, скорее всего, не остановит. А копать мне было нечем. Разве что топориком...

Свой бронзовый топор Лиза, по здравому размышлению, оставила в джунглях. Он единственный указывал на то, что она нашла сокровища Кано. Афаэр скрыть было легче, да и кто его видел? Мари? Ну, так перед Мари Лиза догола раздеваться не собиралась.

– А остальные? – спросила она, меняя тему разговора.

– Рейчел и Варза здесь! – кивнул оружейник. – И еще кое-кто! Но об этом позже, кэп. А пока представьте нас своим новым друзьям!

Бейли явно не хотел говорить при свидетелях, и был прав. Меньше узнают, меньше расскажут другим, если их вдруг об этом спросят.

Начались представления, но, проявляя осторожность, обе стороны демонстрировали всего лишь учтивую сдержанность и были, разумеется, правы. Каждый, глядя со своей колокольни, видел в другом незнакомца, намерения которого неизвестны, а возможно, и опасны. Поэтому сразу после знакомства Монтанелли вежливо, но недвусмысленно предложила «разойтись миром». Паганель кивнул, соглашаясь, и посмотрел на Лизу.

– Пару слов наедине, капитан?

– Да, пожалуй, – согласилась она и первой пошла от костра в сторону воды.

Поверхность озера чуть серебрилась в свете ущербной луны. Рассеять ночную тьму это сияние, разумеется, не могло, но позволяло худо-бедно ориентироваться на берегу.

– Утром мы уйдем. Возвращаемся на маршрут...

Слушая голос Джейкоба, Лиза пожалела, что не видит его лицо.

– Скорее всего, вы спасли мне жизнь, – сказала она после короткой паузы. – Я вас никогда не забуду.

– Я вас тоже не забуду, Лиза. – Показалось или нет, но Лиза решила, что Паганель улыбается.

– Хотя вам я жизнь не спасала, – усмехнулась она.

– Нет, – согласился он, – но вы ее изменили.

– Хорошо, я согласна! – На самом деле Лиза была не уверена, что поступает правильно, но кто сказал, что жизнь женщины должна состоять исключительно из правильных поступков?

– Прошу прощения? – не понял ее Паганель.

– Вы пригласили меня на свидание, – объяснила Лиза, – и я согласилась. Вот вернемся из Африки и обязательно сходим.

– Как я вас найду?

– Хороший вопрос... Пишите на имя Елизаветы Браге. Смолянка, дом Корзухина, Шлиссельбург, Себерия, не ошибетесь!

– У вас есть телефон? – Джейкоб, как успела узнать Лиза, никогда не оставлял вопросы открытыми.

– Шлиссельбург, 3-42-47. А как вас найду я?

– Очень просто! – Паганель взял ее руку и вложил в нее кусочек картона. – Это моя визитка. Ну, а если потеряете, самый простой путь через модный дом «Мэри Грант». Мама обычно знает, где я нахожусь...

* * *

Экспедиция профессора Паганеля снялась на рассвете. Лиза постояла на берегу, наблюдая за тем, как пироги одна за другой исчезают в клубах предутреннего тумана. Проводила взглядом Джейкоба, сидевшего на последней лодке, и повернулась к Бейли.

– Итак?

– Пойдемте, кэп! Это недалеко. – Судя по всему, Бейли не терпелось поскорее убраться с берега, и, наверное, у него были на то веские причины.

– Ладно, – согласилась Лиза. – Показывай дорогу, Сэм! Я следую за тобой!

Тропа, на которую они вступили, едва войдя под кроны деревьев, оказалась хитрой. Немудрено, что накануне Лиза не нашла здесь никаких следов. Дорога начиналась на обломках скалы, потом сливалась со звериной тропой, взбиралась по лианам на высоту нижних ветвей исполинов тропического леса, спускалась на скалы и снова взмывала вверх, пока не привела отряд к скалистому холму, едва выглядывавшему из-под зеленого полога джунглей. Посеберски говоря, место было козырное. С вершины, где было легко спрятаться среди зарослей кустарника и камней, просматривалась значительная часть береговой линии. И место это на северном берегу озера Косогу было выбрано не случайно. Здесь джунгли подходили близко к воде и не было людских поселений. Деревни яруба располагались восточнее и западнее.

– Хорошее место, – сказала Монтанелли, обычно предпочитавшая словам мимику и жесты.

– Северо-восточный склон холма с берега не просматривается, – объяснил Бейли, – а из джунглей и смотреть некому.

Обогнув холм, отряд вышел к небольшой террасе, поросшей по краю колючими кустами. Прорехи в этой естественной изгороди, служившей надежной защитой от диких животных, были завалены точно такими же кустами, срубленными, очевидно, где-то выше по склону. Здесь – всего на десять-пятнадцать метров ниже плоской вершины – под защитой высокого колючего вала и располагался лагерь. Несколько шалашей. Навес из бамбука. Пара круглых очагов, сложенных из камней. И просторный грот, по всей видимости, служивший команде и складом, и жильем.

– Так и живем, – вздохнул Бейли. – Александры, бля, селькирки⁴ гребаные!

– Следите за языком, Сэм! – К ним шла, вернее, бежала, улыбающаяся во весь рот Рейчел.

– Нашла чем укорить! – фыркнул Бейли и благоразумно отступил от Лизы, потому что с другой стороны на них набегала совершенно «сорвавшаяся с резьбы» навигатор Варзугина!

– Лизка, сука! – завопила она, заключая Лизу в объятия. – Живая! Вот же ты путка, живучая!

«Путка?! – удивилась Лиза. – Что за слово?»

Русский язык калифорнийцев временами мог поставить в тупик любого носителя великорусского наречия, на котором с теми или иными вариациями говорили и себерцы, и киевляне.

«Надо будет спросить...» – но додумать эту мысль Лиза уже не смогла. Своими объятиями, воплями и поцелуями Варза и Рейчел буквально задавили мысль в зародыше. Дальше были только жаркий сумбур, хохот, радостные восклицания и множество тянущихся к Лизе рук. Все хотели поздравить ее с «возвращением», обнять, коснуться плеча, пожать ей руку.

Лиза знала, что она популярна, но даже представить себе не могла, до какой степени. Она на самом деле против этого и не возражала, тем более что ей, похоже, этими людьми теперь командовать, как старшему по званию и наиболее авторитетному из беглецов. Она лишь отме-

⁴ Александр Селькирк – шотландский моряк, прообраз Робинзона Крузо.

тила мысленно, что выглядит и пахнет сейчас не так ужасно, как во время встречи с профессором Паганелем, и это хорошо. В деревне яруба, откуда они затем вышли в поход по реке, Лиза первым делом соскребла и смыла с себя грязь, смылив едва ли не половину куска мыла, одолженного ей Джейкобом Паганелем. Промыла и вычесала волосы, воспользовавшись «трофейной» расческой Тюрдеева, и выстирала всю свою одежду. С экипировкой, следует заметить, дела обстояли не так чтобы хорошо. Ботинки еще держались, но вот штаны и рубашку пришлось зашивать во многих местах. Вместо бюстгальтера Лиза использовала теперь полосу хлопковой ткани, вырезанную из лекарской рубашки, но вот запасных трусов у нее не было, да и заменить их было нечем. Так что трусы по дороге через джунгли Лиза стирала неоднократно.

Между тем восторги и поздравления стали понемногу стихать, объятия ослабли – «свита», сыгравшая «короля» в лучших традициях Станиславского и Немировича-Данченко, помаленьку успокоилась.

«Верю!» – признала Лиза, выныривая из-под накрывшей ее волны всеобщего энтузиазма.

– Всё, всё! – остановила она людей. – Делу время, потехе – час! Переходим к рассказам о себе любимых и обмену жизненным опытом!

Никто, собственно, не возражал. Всем не терпелось рассказать, что и как происходило с ними в эти дни и недели, но больше всего люди хотели узнать о приключениях Лизы. Однако Бейли, взявший на себя обязанности старшего начальника, попросил не спешить.

– Предлагаю для начала перекусить! – сказал он, и Лиза должна была признать, что в словах оружейника есть смысл.

Сейчас, когда схлынула первая волна восторга, она учуяла запах жарившегося на огне мяса и сразу же поняла, что успела проголодаться. Ее интерес не укрылся от внимательного взгляда по-военному сдержанной и невероятно наблюдательной Анны Монтанелли.

– К столу! – коротко бросила командир десанта, и хаос, устроенный членами экипажа, растрогавшимися от встречи с утерянным и вновь обретенным «кэпом», начал стремительно обретать черты организации. Ведь что есть организация, как не совместная целенаправленная деятельность больших коллективов людей? Кажется, что-то такое писал Лев Троцкий, но что именно имел в виду Лев Давыдович, Лиза не помнила. Выучила к экзамену и забыла, как и многое другое, что напрямую не относилось к сфере ее интересов, а уж научный коммунизм к ней точно не относился.

– Чем богаты! – улыбнулась Анфиса, едва расселись вокруг очага и за примыкавшим к нему импровизированным столом.

Ну, что сказать? Пока Лиза шла через тропический лес, она не раз и не два пожалела о скудости своего образования. А вот среди членов экипажа оказалось сразу несколько знатоков африканской флоры и фауны. К слову сказать, одной из них была Анна Монтанелли, выросшая в экваториальной Африке в семье дипломата, представлявшего при колониальных властях Франкского королевства Венецианскую республику.

Плотный завтрак, предложенный Лизе гостеприимными хозяевами, состоял из неизвестных ей печенных на углях мучнистых клубней, инжира, молодых красных листьев, отваренных с мясом водяного оленка⁵, и шашлыка из мяса друкера – некрупной лесной антилопы. Более того, запивать еду предлагалось «компотом» – горячим отваром из нескольких видов листьев, стеблей, цветов и плодов, и все тем же крепким и ужасным африканским самогоном чанга. Наличие самогона и кое-какой «неуставной» утвари – глиняных и деревянных плошек, кружек, мисок и ложек – недвусмысленно указывало на «межкультурные контакты».

⁵ Оленёк – водяной оленёк или африканский оленёк – вид млекопитающих из семейства оленьковых отряда парнокопытных. Самый крупный вид в семействе: его высота в холке – 30–35 см, длина тела – 75–85 см. Задние ноги короче передних. Светло-коричневый окрас. На спине – светлые пятна. По бокам тянутся две светлые полосы. Рогов у водяных оленьков нет, зато у самцов есть острые и удлинённые верхние клыки, выступающие наружу.

– У нас есть английская надувная лодка, – объяснил Бейли, встретив недоуменный взгляд Лизы. – Трофей. Я тебе об этом потом расскажу. Сплавали пару раз на восточный берег. Там есть «партизанские» деревни яруба, в смысле повстанцы местные живут. У них и выменяли на обезьян.

– На каких обезьян? – не поняла Лиза.

– На мертвых, – коротко объяснила Монтанелли.

– Мы обезьянье мясо не едим, – поспешила вмешаться Рейчел, – а у местных на этот счет предрассудков нет. Мясо, оно и в Африке мясо. Вот мы им и продаем тушки, а они нам взамен домотканые одеяла, циновки, выпивку и домашнюю утварь.

– Так, – Лиза еще не вполне переварила полученную информацию, но вопросов у нее и до этого было больше чем достаточно. Теперь возникло еще несколько. Всего-то дел!

Еще по дороге в лагерь Бейли коротко, а значит и без подробностей, обрисовал Лизе возникшую ситуацию. Семнадцать дней назад Райт приказал им – Бейли и Монтанелли – тайно покинуть лагерь, забрав с собой всех, к кому удастся подобраться, не поднимая шума, и идти в точку сбора. Ну, они и ушли, взяв с собой двух командиров артиллерийских расчетов, второго помощника – Нильсена и пять бойцов из отряда Монтанелли. Поднялись налегке, захватив с собой только свои рюкзаки и личное оружие, и на том спасибо. Прошли за трое суток восемьдесят километров через отроги Восточного хребта, и вышли к озеру. Ну, а неделю назад к ним присоединились навигатор и инженер.

– Ждали только вас и доктора, а так нас здесь давно уже ничего не держит.

«Не держит, – согласилась мысленно Лиза. – И это правильно!»

Рассказ Бейли заставил Лизу задуматься о «продолжении банкета», но чтобы что-нибудь решить, ей нужны были подробности, и эти подробности она предполагала теперь получить.

– Так! – сказала она вслух. – А теперь, пожалуйста, с первой ноты и не забывайте про детали. Бог скрыт в мелочах, не правда ли?

– По-моему, там говорится о дьяволе, разве нет? – возразила ей Анфиса.

– Вот-вот, – покивала ей в ответ Лиза. – Мы даже не знаем, бог или дьявол кроется в подробностях, но я хочу знать их все!

* * *

Все-таки за едой хорошо болтать, перебрасываясь короткими репликами. Длинные рассказы подразумевают другой контекст. Поэтому начали, только дожевывая и допив. На ясную голову, так сказать, на сытый желудок и пустой рот.

– Мы добрались до излучины Мосезе в ту же ночь... – Анфиса рассказывала спокойно, без обычных своих двусмысленных шуточек и каламбуров и, разумеется, без какой-либо ажитации.

– Видимость была неплохая, – Рейчел позволила Варзе вести основную партию, сама же лишь аккуратно комментировала рассказ, уточняя или объясняя то, что казалось ей достойным вмешательства.

– Луна во второй трети, – кивнула, соглашаясь с подругой, Анфиса. – Небо чистое, и вода блестит. В общем, я прошла над рекой, но садиться на берегу поостереглась. Нашла проплешину в полумиле к югу, как раз между лесом и скалами...

Подробности одиссеи Анфисы и Рейчел во многом напоминали историю самой Лизы. Сели ночью, недалеко от реки. Высадились, осмотрелись и решили ждать Лизу где-нибудь поближе к реке, но костра не разводить. Дело в том, что, по идее, Лиза должна была их опередить: скорость-то у «гренадера» всяко выше, чем у «фоккера». Так что отсутствие подруги «в излучине Мосезе» их, грешным делом, напугало не на шутку. Иди знай, что случилось со

штурмовиком! Его могли сбить, он мог испортиться. Лиза могла погибнуть или снова попасть в плен.

Ждали до утра, но никого не дождались: ни Лизы, ни преследователей. Тогда решили не торопиться с выводами и «дать Елизавете шанс». Разбили под деревьями лагерь, разожгли костер, и Тюрдеев ушел к винтокрылу, забрать остатки имущества, то есть все, что еще можно было унести с «фоккера».

«Ага, значит, рюкзачок он перепрятал именно тогда, – решила Лиза, слушая рассказ подруг. – А держал он его, скорее всего, не в грузовом отсеке, а в поддонной нише, предназначенной для установки крупнокалиберного пулемета...»

В общем, сидели на месте четыре дня, но так никого и не дождались. Вернее, дождались, но совсем не того, что могли предположить. Ночью подхватились от запыленной пальбы. Стреляли хоть и близко, но не рядом, а где-то в паре миль к востоку от лагеря. Доктор предложил погасить огонь и спрятаться где-нибудь поблизости, но не у самой реки. Так и сделали: укрылись в сухом овражке неподалеку. Сидели там до утра, слушая постепенно стихающие звуки боя. Судя по всему, где-то неподалеку сошлись стенка на стенку два крупных отряда и махались до утра. Позже Анфиса и Рейчел узнали, что так все и обстояло. Но это позже, а в то утро никто ничего определенного про ночную перестрелку сказать не мог, и Тюрдеев предложил разделиться. Женщины, по его идее, должны были идти к озеру Косогу, так как существовала вероятность, что, опоздав по тем или иным причинам на встречу в излучине Мосезе, Лиза направится напрямик к озеру. Доктор же предполагал остаться у реки еще на несколько дней – на случай, если Лиза все-таки объявится – и догнать навигатора и инженера или в верховьях Осоа, где, судя по карте, находилась деревня яруба, или уже на точке сбора – на северном берегу озера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.